

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛѢДІЕ

АВТОБІОГРАФІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ — СЦЕНЫ — ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ — МАЛУРУССКАЯ
НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ — ПОСЛѢДНЯЯ РАБОТА

Н. И. КОСТОМАРОВА

Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библиографическимъ указателемъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1890

28-9-91

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛѢДІЕ

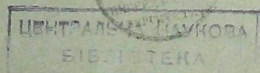
VI 2/7

АВТОБІОГРАФІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ — СЦЕНЫ — ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ — МАЛОРУССКАЯ
НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ — ПОСЛѢДНЯЯ РАБОТА

1891
N
Н. И. КОСТОМАРОВА
12. IV
55

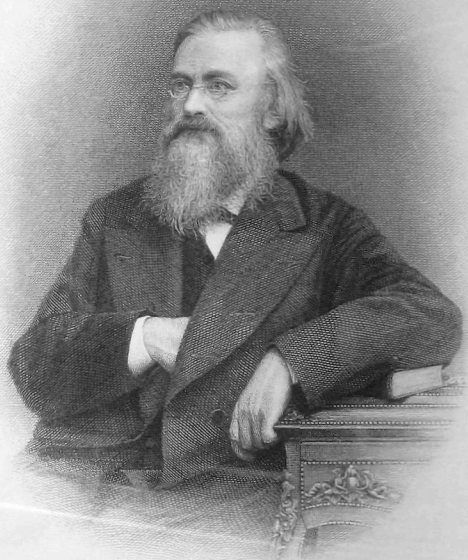
Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библиографическимъ указателемъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1890

Печ. со Stahl & A. Брокгауз на Лейпцигѣ.

Н. Касимировъ

K-724-Л.М.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛѢДІЕ

АВТОБІОГРАФІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ — СЦЕНЫ — ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ — МАЛОРУССКАЯ
НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ — ПОСЛѢДНЯЯ РАБОТА

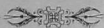
Н. И. КОСТОМАРОВА

462024

Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библиографическимъ указателемъ.

Р 2116

1934

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1890

8.

1755

Изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ статей Николая Ивановича Костомарова, только одна: «Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» предназначалась самимъ авторомъ для печати въ ближайшемъ будущемъ и принадлежить къ его ученымъ работамъ; остальные, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, написанныя подъ впечатлѣніемъ минуты и, такъ сказать, про себя, оставались черновыми набросками—и авторъ позабылъ о нихъ. Печатаемъ ихъ здѣсь какъ его литературное наслѣдіе.

Происхожденіе «Автобіографіи» было таково. Въ началѣ 1875 года Николай Ивановичъ былъ тяжело боленъ тифомъ и, находясь въ безпамятствѣ и въ безнадежномъ положеніи, лишился матери. Здоровье его поправлялось медленно, зрѣніе упало совершенно. Разбитый душевно и физически, онъ долженъ былъ подчиниться предписанію врачей, подъ угрозою слѣпоты воспретившихъ ему на продолжительное время ученыя занятія, требующія напряженія зрѣнія и мысли. Такой приговоръ врачей еще болѣе удручалъ нравственное состояніе Николая Ивановича. «Жить безъ дѣла—говорилъ онъ—это хуже смерти, а ослѣпнуть—это жить безъ дѣла». Въ это время одинъ изъ пріятелей далъ Николаю Ивановичу совѣтъ продиктовать въ продолженіе лѣта свою біографію и дополнять ее, сообразно съ возстановляющею послѣ болѣзни силою памяти: это не трудъ, а времяпровожденіе, занимательное и для него самого, привыкшаго спокойно относиться къ пережитымъ ударамъ судьбы,—занимательное и для тѣхъ, кто прочтетъ эту автобіографію.

Но развѣ возможно писать или диктовать о себѣ цѣлые мѣсяцы, и кому нужна его біографія? говорилъ Н. И. — Близкіе люди успокаивали его объясненіемъ, что, начавши о себѣ, онъ непременно скажетъ многое и о другихъ, имѣвшихъ отношенія къ нему лично или къ его ученой дѣятельности, и такимъ образомъ, составитъ небольшой очеркъ его времени. «Плохой я наблюдатель въ сферѣ современной жизни», говорилъ Н. И.: «я привыкъ изучать прошлое, въ немъ жить, имъ всецѣло заниматься, и не даромъ, съ ранней молодости и до конца моихъ дней, бродить по кладбищамъ — любимѣйшая для меня прогулка».

Но какъ ни трудна была задача писать о себѣ, Н. И. былъ вынужденъ за нее приняться, чтобъ «убить свое время» — и въ началѣ 1875 года сталъ диктовать «Автобіографію». Чуть не съ первыхъ словъ ему пришлось убѣдиться, что многое изъ того, что относилось къ его жизни и личности, ускользнуло изъ его богатой памяти. Изъ этого онъ заключалъ, что позабытое не представляло, вѣроятно, живого интереса для него самого и, стало быть, еще менѣе можетъ интересовать другихъ, т.-е. будущихъ читателей «Автобіографіи». Для того, чтобы Н. И. не затруднялъ своей памяти и своихъ нервовъ припоминаніями именъ или времени событій, ему было предложено обозначать при диктовкѣ вопросительными знаками такія мѣста, гдѣ являлось сомнѣніе въ точности, а по возвращеніи въ Петербургъ изъ лѣтняго пребыванія на югѣ Россіи — навести справки. Вопросительные знаки ставились; читатель найдетъ ихъ на 1 и 35 страницахъ «Автобіографіи», но они такъ и остались безъ предполагавшихся справокъ, потому что Н. И., по возвращеніи въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября, не хотѣлъ и слушать объ автобіографіи: онъ чувствовалъ, что можетъ уже употреблять свое время на занятіе наукой — и приступилъ къ трудамъ надъ 6-мъ выпускомъ «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ». Въ лѣтнее время 1876 и 1877 годовъ Н. И., послѣ своихъ побывокъ на Валаамѣ и въ Нарвѣ, продиктовалъ замѣтки объ этихъ мѣстностяхъ, для занесенія ихъ на страницы автобіографіи — и затѣмъ она была имъ покинута. Въ послѣ-

дующіе годы случалось, однако, что если взятая имъ съ собой на лѣто въ деревню ученая работа оканчивалась ранѣе времени возвращенія въ городъ, то можно было предложить Николаю Ивановичу «убивать» остающіеся дни лѣтняго сезона дополненіями къ автобіографическому разсказу. Но это удавалось рѣдко. Собираясь въ 1881 году на Кавказъ, для присутствованія на археологическомъ сѣздѣ въ Тифлисѣ, Н. И. вспомнилъ о III сѣздѣ, отправлявшемся въ 1874 году въ Кіевъ и замѣтилъ, что о томъ сѣздѣ, какъ ему помнится, такое слабое и недостаточное описаніе въ Автобіографіи, что предполагая дополнить его, онъ приостановилъ переписываніе ее на чистые листы. Но едва было предложено сдѣлать такое дополненіе, какъ Н. И. воскликнулъ: «ахъ, опять Автобіографія, оставимъ ее», — и переверотивши нѣкоторые листы, сдѣлавши кое-гдѣ незначительныя поправки и надписавши собственноручно на первомъ листѣ посвященіе, попросилъ убрать ее разъ навсегда.

Печатаніе «Автобіографіи» цѣликомъ было неудобно по близости описываемаго времени, даже и тамъ, гдѣ отзывы о разныхъ лицахъ не представляли ничего, кромѣ выраженія высокаго уваженія къ нимъ. Пропущенныя мѣста замѣнены черточками и многоточіемъ.

Изъ напечатанныхъ здѣсь стихотвореній, одно, подъ заглавіемъ «Еврейскіи Спиванки», отданное въ 1843 году авторомъ для малорусскаго сборника «Снилъ», доставлено послѣ смерти автора издателемъ «Сюпа» А. А. Корсуновымъ; другое: «Въ осени—лѣто», написано въ 1880 году; остальные, написанныя въ различные и давніе годы, отданы были авторомъ во время его жительства въ Саратовѣ А. Н. Пасхаловой (впослѣдствіи Мордовцевой), послѣ ея кончины найдены въ ея бумагахъ въ 1886 году и обязательно доставлены Д. Л. Мордовцевымъ. Стихотвореніе, написанное въ Крыму въ 1852 году, во время кратковременнаго отпуска изъ Саратова, составляетъ новую редакцію стихотворенія, написаннаго въ 1841 году подъ названіемъ «Пантикапея»: оба вызваны видомъ воспорскихъ могилъ и разрытаго кургана.

«Украинскія сцены изъ 1649 года», также найденныя въ

бумагахъ г-жи Мордовцевой, написаны въ сороковыхъ годахъ и служатъ яркимъ свидѣтельствомъ того глубокаго интереса къ личности и эпохѣ Богдана Хмельницкаго, которымъ были проникнуты Н. И. съ молодыхъ лѣтъ и къ которымъ не охлаждался, не смотря на многіе годы обязательнаго жительства въ Саратовѣ, не представлявшемъ средствъ къ окончательной отдѣлкѣ монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, выпущенной въ свѣтъ только въ 1857 году.

«Послѣдняя работа» — начало разсказа изъ жизни фельд-маршала Миниха — писана въ послѣдніе дни жизни Николаемъ Ивановичемъ, когда, въ изнеможеніи отъ страданій, онъ все еще скучалъ «безъ дѣла» и употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобъ написать двѣ-три строчки, иногда нѣсколько буквъ, или поставить какой-либо знакъ, затѣмъ—перо выпадало изъ рукъ больного. Разсказъ этотъ не озаглавленъ авторомъ, а названъ здѣсь «Послѣдней работой» потому, что этотъ разсказъ дѣйствительно былъ послѣдней работой Николая Ивановича.

(Изд.*).

*) Чистый доходъ отъ продажи экземпляровъ этого изданія назначается въ пользу С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
I. Автобіографія	1—217
II. Стихотворенія Іереміи Галки 1841—1880	219—238
III. Украинскія сцены изъ 1649 года	239—258
IV. Стихотвореніе (написанное въ Крыму въ 1852 году) . .	259—271
V. О воспоминаніяхъ борьбы козаковъ съ мусульманствомъ въ народной южно-русской поэзіи	273—285
VI. Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народ- наго пѣсеннаго творчества	287—477
VII. Последняя работа	479—490
Библиографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова.	493—521

АВТОБІОГРАФІЯ.

АВТОБІОГРАФІЯ.

Посвящается любій мой жниці

Галини Леонтьевни

Костомаровой

отъ Іер. Галки.

I.

Дѣтство и отрочество.

Фамильное прозвище, которое я ношу, принадлежитъ къ старымъ великорусскимъ родамъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Насколько намъ извѣстно, оно упоминается въ XVI вѣкѣ; тогда уже существовали названія мѣстностей, напоминающія это прозвище, напримѣръ: Костомаровъ Бродъ на рѣкѣ Упѣ. Вѣроятно и тогда уже были существующія теперь села съ названіемъ «Костомарово», находящіяся въ губерніяхъ: Тульской, Ярославской и Орловской. При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, сынъ боярскій Самсонъ Мартыновичъ Костомаровъ, служившій въ опричинѣ, убѣждалъ изъ Московскаго Государства въ Литву, былъ принятъ ласково Сигизмундомъ Августомъ и надѣленъ помѣстьемъ въ ковельскомъ (?) уѣздѣ. Онъ былъ не первый и не послѣдній изъ такихъ перебѣжчиковъ. При Сигизмундѣ III-мъ, по смерти Самсона, данное ему помѣстье раздѣлилось между его сыномъ и дочерью, вышедшею за мужъ за Лукашевича. Внуку Самсона, Петръ Костомаровъ, присталъ къ Хмельницкому и послѣ Берестецкаго пораженія подвергся банниціи и потерялъ свое наслѣдственное имѣніе, сообразно польскому праву кадука, какъ показываетъ современное письмо короля къ Киселю объ отобраніи имѣній, подлежащихъ тогда конфискаціи. Костомаровъ, вмѣстѣ съ многими волынцами, приставшими къ Хмельницкому и поступившими въ званіе козаковъ, ушелъ въ предѣлы Московскаго Госу-

дарства. То была не первая колонія изъ южно-руссовъ. Еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича появились малорусскія села по такъ-называемой Бѣлгородской чертѣ, а городъ Чугуевъ былъ основанъ и заселенъ козаками, убѣжавшими въ 1638 году съ гетманомъ Острианиномъ; при Хмельницкомъ же упоминаемое переселеніе козаковъ на московскія земли было, сколько намъ извѣстно, первое въ своемъ родѣ. Всѣхъ перешедшихъ въ то время было до тысячи семей; онѣ состояли подъ начальствомъ предводителя Ивана Дзинковскаго, носившаго званіе полковника. Козаки эти хотѣли поселиться по близости къ украинскимъ границамъ, гдѣ-нибудь недалеко Путивля, Рыльска, или Бѣлгорода, но московское правительство нашло это неудобнымъ и опредѣлило поселить ихъ подалѣе къ востоку. На ихъ просьбу имъ данъ былъ такой отвѣтъ: «будетъ у васъ съ польскими и литовскими людьми частая ссора, а оно лучше, какъ подальше отъ задора». Имъ отвели для поселенія мѣсто на рѣкѣ Тихой Соснѣ и вслѣдъ затѣмъ былъ построенъ козацій городокъ Острогожскъ. Изъ мѣстныхъ актовъ видно, что названіе это существовало еще прежде, потому что объ основаніи этого городка говорится, что онъ поставленъ на Острогожскомъ городищѣ. Такъ начался Острогожскій полкъ, первый по времени изъ слободскихъ полковъ. Въ окрестностяхъ новостроеннаго города начали разводиться хутора и села: край былъ привольный и плодородный. Костомаровъ былъ въ числѣ поселенцевъ, и вѣроятно эта фамилія оставила своимъ прозвищемъ названіе Костомаровой на Дону, теперь многолюдной, слободѣ. Потомки пришедшаго съ Волини Костомарова укоренились въ острогожскомъ краѣ и одинъ изъ нихъ поселился на берегу рѣки Ольховатки и женился на воспитанницѣ и наслѣдницѣ козацкаго чиновника Юрія Блюма, построившаго во имя своего ангела церковь въ слободѣ, имъ заложеной и по его имени названной Юрасовкою. Это было въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Имѣніе Блюма перешло къ Костомаровой. Къ этой вѣтви принадлежалъ мой отецъ.

Отецъ мой родился въ 1769 году, служилъ съ молодыхъ лѣтъ въ арміи, участвовалъ въ войскѣ Суворова при взятіи Измаила, а въ 1790 году вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи острогожскаго уѣзда въ слободѣ Юрасовкѣ, гдѣ я и родился¹⁾. Отецъ мой, сообразно тому времени, получилъ недостаточное образованіе, и впослѣдствіи, сознавая это, постоянно старался попол-

¹⁾ Острогожскій уѣздъ со всею южною частію Воронежской губерніи въ то время принадлежалъ къ Слободско-украинской губерніи — нынѣ Харьковской.

нить эту недостаточность чтеніемъ. Онъ читалъ много, постоянно выписывалъ книги, выучился даже по-французски настолько, что могъ читать на этомъ языкѣ, хотя и съ помощію лексикона. Любимыми сочиненіями его были творенія Вольтера, Даламбера, Дидро и другихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка; въ особенности же онъ оказывалъ къ личности Вольтера уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такое направленіе выработало изъ него типъ стариннаго вольнодумца. Онъ фанатически отдался матеріалистическому ученію и сталъ отличать крайнимъ невѣріемъ, хотя, согласно своимъ учителямъ, умъ его колебался между совершеннымъ атеизмомъ и деизмомъ. Его горячій, увлекающійся характеръ часто доводилъ его до поступковъ, которые въ наше время были бы смѣшны; напримѣръ: кстати и некстати онъ заводилъ философскіе разговоры и старался распространять вольтеріанизмъ тамъ, гдѣ, повидимому, не представлялось для того никакой почвы. Былъ ли онъ въ дорогѣ — начиналъ философствовать съ содержателями постоянныхъ дворовъ, а у себя въ имѣніи собиралъ кружокъ своихъ крѣпостныхъ и читалъ имъ филиппики противъ ханжества и суевѣрія. Крестьяне въ его имѣніи были малоруссы и туго поддавались вольтеріанской школѣ; но изъ двора было нѣсколько чело-вѣкъ, переведенныхъ изъ Орловской губерніи, изъ его материнскаго имѣнія и послѣдніе, по своему положенію дворовыхъ людей, имѣвшіе возможность пользоваться частыми бесѣдами съ барининомъ, оказались болѣе понятливыми учениками. Въ политическихъ и соціальныхъ понятіяхъ моего покойнаго родителя господствовала какая-то смѣсь либерализма и демократизма съ прагматическимъ барствомъ. Онъ любилъ толковать всѣмъ и каждому, что всѣ люди равны, что отличіе по породѣ есть предразсудокъ, что всѣ должны жить какъ братья; но это не мѣшало ему, при случаѣ, показать надъ подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно въ минуту вспыльчивости, которой онъ не умѣлъ удерживать; за-то, послѣ каждой такой выходки, онъ просилъ извиненія у оскорбленнаго слуги, старался чѣмъ-нибудь загладить свою ошибку и раздавалъ деньги и подарки. Лакеямъ до такой степени это понравилось, что бывали случаи, когда съ намѣреніемъ его сердили, чтобы довести до вспыльчивости и потомъ сорвать съ него. Впрочемъ его вспыльчивость рѣже приносила вредъ другимъ, чѣмъ ему самому. Однажды, напримѣръ, разсердившись, что ему долго не несуть обѣдать, онъ, въ припадкѣ досады, перебилъ великолѣпный столовый сервизъ саксонскаго фарфора, а потомъ, опаматовавшись, сѣлъ въ задумчивости, началъ разсматривать изображеніе какого-то древняго философа, сдѣланное на сердоликѣ, и

подозвавши меня къ себѣ, прочиталъ мнѣ, со слезами на глазахъ, правоученіе о томъ, какъ необходимо удерживать порывы страстей. Съ крестьянами своего села онъ обходился ласково и гуманно, не стѣснялъ ихъ ни поборами, ни работами; если приглашалъ что нибудь дѣлать, то платилъ за работу дороже, чѣмъ чужимъ, и сознавалъ необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ чемъ и не скрывался передъ ними. Вообще надобно сказать, что если онъ позволялъ себѣ выходки, несогласныя съ проповѣдываемыми убѣжденіями свободы и равенства, то онѣ происходили помимо его желанія, отъ неумѣнія удерживать порывы вспыльчивости; поэтому-то всѣ, которые не поставлены были въ необходимость часто находиться при немъ, любили его. Въ его характерѣ не было никакого барскаго тщеславія; вѣрный идеямъ своихъ французскихъ наставниковъ, онъ ни во что не ставилъ дворянское достоинство и терпѣть не могъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ хотя тѣнь щегольства своимъ происхожденіемъ и званіемъ. Какъ бы въ доказательство этихъ убѣжденій, онъ не хотѣлъ родниться съ дворянскими фамиліями и уже въ пожилыхъ лѣтахъ, задумавши жениться, избралъ крестьянскую дѣвочку и отправилъ ее въ Москву для воспитанія въ частное заведеніе съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи она стала его женою. Это было въ 1812 году. Вступленіе Наполеона въ Москву и сожженіе столицы не дало ей возможности продолжать начатое образованіе: отецъ мой, услыхавши о разореніи Москвы, послалъ взять свою воспитанницу, которая въ послѣдствіи и сдѣлалась его женою и моею матерью.

Я родился 4 Мая 1817 года. Дѣтство мое до десяти лѣтъ протекало въ отеческомъ домѣ безъ всякихъ гувернеровъ, подъ наблюденіемъ одного родителя. Прочитавъ Эмиля Жанъ-Жака Руссо, отецъ мой прилагалъ вычитанныя имъ правила къ воспитанію своего единственнаго сына и старался приучить меня съ младенчества къ жизни, близкой съ природою: онъ не позволялъ меня кутать, умышленно посылалъ бѣгать въ сырую погоду, даже промачивать ноги, и вообще приучалъ не бояться простуды и переменъ температуры. Постоянно заставляя меня читать, онъ съ нѣжныхъ моихъ лѣтъ сталъ внушать мнѣ вольтеріанское невѣріе, но этотъ же нѣжный возрастъ мой, требовавшій непрестанныхъ обо мнѣ попеченій матери, давалъ ей время и возможность противодѣйствовать этому направленію. Въ дѣтствѣ я отличался необыкновенно счастливою памятью: для меня ничего не стояло, прочитавши раза два какого-нибудь Вольтерова Танкреда или Заиру въ русскомъ переводѣ, прочитать ее отцу наизусть отъ доски до доски.

Не менѣ сильно развивалось мое воображеніе. Мѣстоположеніе, гдѣ лежала усадьба, въ которой я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рѣкою, текшею возлѣ самой усадьбы, устѣяною зелеными островками и поросшею камышами, возвышались живописныя мѣловыя горы, испещренныя черными и зелеными полосами; отъ нихъ рядомъ тянулись черноземныя горы, покрытыя зелеными нивами, и подъ ними разстилался обширный лугъ, устѣянный весною цвѣтами и казавшійся мнѣ неизмѣримымъ живописнымъ ковромъ. Весь дворъ былъ окаймленъ по забору большими осинами и березами, а обокъ тянулась принадлежавшая ко двору тѣнистая роща съ вѣковыми деревьями. Отецъ мой нерѣдко, взявши меня съ собою, садился на землѣ подъ одной старой березой, бралъ съ собою какое-нибудь поэтическое произведеніе и читалъ или меня заставлялъ читать; такимъ образомъ, помню я, какъ, при шумѣ вѣтра, мы читали съ нимъ Оссіана и, какъ кажется, въ отвратительномъ прозаическомъ русскомъ переводѣ. Бѣгая въ ту же рощу безъ отца, я, натываясь на полянки и на группы деревьевъ, воображалъ себѣ разныя страны, которыхъ фигуры видѣлъ на географическомъ атласѣ; тогда нѣкоторымъ изъ такихъ мѣстностей я далъ названія. Были у меня и Бразилія, и Колумбія и Лапландская республика, а бѣгая къ берегу рѣки и замѣчая островки, я натворилъ своимъ воображеніемъ Борнео, Суматру, Целебесъ, Яву и прочее. Отецъ не позволялъ моему воображенію пускаться въ міръ фантастическій, таинственный, онъ не позволялъ сказывать мнѣ сказокъ, ни тѣшить воображеніе росказнями о привидѣніяхъ; онъ щекотливо боялся, чтобы ко мнѣ не привилось какое-нибудь вульгарное вѣрованіе въ лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ и т. п. Это не мѣшало, однако, давать мнѣ читать баллады Жуковского, причемъ отецъ считалъ обязанностью постоянно объяснять мнѣ, что все это—поэтическій вымыселъ, а не дѣйствительность. Я зналъ наизусть всего Громобоя; но отецъ объяснялъ мнѣ, что никогда не было того, что тамъ описывается и быть того не можетъ. Жуковский былъ любимымъ его поэтомъ; однако же отецъ мой не принадлежалъ къ числу тѣхъ ревнителей стараго вкуса, которые, питая уваженіе къ старымъ образцамъ, не хотятъ знать новыхъ; напротивъ, когда явился Пушкинъ, отецъ мой сразу сдѣлался большимъ его поклонникомъ и приходилъ въ большой восторгъ отъ Руслана и Людмилы и нѣсколькихъ главъ Евгенія Онегина, появившихся въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 года. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, отецъ повезъ меня въ Москву. До того времени я нигдѣ не былъ кромѣ деревни и не видалъ даже своего уѣзднаго города. По пріѣздѣ въ Москву, мы остановились въ

гостинницѣ «Лондонъ» въ Охотномъ ряду, и черезъ нѣсколько дней отецъ повелѣ меня въ первый разъ въ жизни въ театрѣ. Играли Фрейшютца. Меня до такой степени перепугали выстрѣлы и потомъ сцена въ волчьей долині съ привидѣніями, что отецъ не далъ мнѣ дослушать пьесы и послѣ второго дѣйствія вывелъ изъ театра. Нѣсколько дней меня занимало видѣнное въ театрѣ и мнѣ до чрезвычайности снова хотѣлось въ театрѣ. Отецъ повезъ меня Давали Князя Невидимку — какую-то глупѣйшую оперу, теперь уже упавшую, но тогда бывшую въ модѣ. Несмотря на мой десятилѣтній возрастъ, я понялъ, что между первою видѣнною мною оперою и второю — большое различіе и что первая несравненно лучше второй. Третья видѣнная мною пьеса была Коварство и Любовь Шиллера. Роль Фердинанда игралъ знаменитый въ свое время Мочаловъ. Мнѣ она очень понравилась, отецъ мой былъ тронутъ до слезъ; глядя на него, и я принялся плакать, хотя вполне не могъ понять всей сути представляемаго событія.

Меня отдали въ пансіонъ, который въ то время содержалъ лекторъ французскаго языка при университетѣ, Ге. Первое время моего пребыванія послѣ отъѣзда отца изъ Москвы проходило въ безпрестанныхъ слезахъ; до невыносимости тяжело мнѣ было одному въ чужой сторонѣ и посреди чужихъ людей; мнѣ безпрестанно рисовались образы покинутой домашней жизни и матушка, которой, какъ мнѣ казалось, должна была сдѣлаться тяжелой разлука со мною. Мало-по-малу ученіе начало меня охватывать, и тоска улеглась. Я приобрѣлъ любовь товарищей; содержатель пансіона и учителя удивлялись моей памяти и способностямъ. Одинъ разъ, напримѣръ, забравшись въ кабинетъ хозяина, я отыскалъ латинскіе разговоры и въ какихъ-нибудь полъ-дня выучилъ всѣ разговоры наизусть, а потомъ началъ говорить вычитанныя латинскія фразы пансіоносодержателю. По всѣмъ предметамъ я учился хорошо, кромѣ танцевъ, къ которымъ, по приговору танцмейстера, не показывалъ ни малѣйшей способности, такъ что въ одно и то же время одни меня называли «enfant miracleux», а танцмейстеръ называлъ идіотомъ. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я заболѣлъ; отцу написали объ этомъ и онъ внезапно явился въ Москву въ то время, какъ я не ждалъ его. Я уже выздоровѣлъ, въ пансіонѣ былъ танць-классъ, какъ вдругъ отецъ мой входитъ въ залъ. Поговоривши съ пансіоносодержателемъ, отецъ положилъ за благо взять меня съ тѣмъ, чтобы привезти снова на другой годъ послѣ вакацій. Впослѣдствіи я узналъ, что человекъ, котораго отецъ оставилъ при мнѣ въ пансіонѣ, въ качествѣ моего дядьки, написалъ ему какую-то клевету о пансіонѣ; кромѣ того, я слы-

халь, что самая болѣзнь, которую я передъ тѣмъ испыталъ, произошла отъ отравы, подданной мнѣ этимъ дядькой, которому, какъ оказалось, былъ въ то время расчетъ во что бы то ни стало убраться изъ Москвы въ деревню. Такимъ образомъ въ 1828 году я былъ снова въ деревнѣ, въ чаяніи послѣ вакацій снова ѣхать въ московскій пансіонъ; между тѣмъ надъ головой моего отца готовился роковой ударъ, долженствовавшій лишить его жизни и измѣнить всю мою послѣдующую судьбу.

Выше сказано было, что въ имѣніи моего отца было нѣсколько переселенцевъ изъ Орловской губерніи; изъ нихъ кучеръ и камердинеръ жили во дворѣ, а третій, бывшій также прежде лакеемъ, былъ за пьянство изгнанъ со двора и находился на селѣ. Они составили заговоръ убить моего отца съ намѣреніемъ ограбить у него деньги, которыя, какъ они довѣдались, у него лежали въ шкапулкѣ. Къ нимъ присталъ еще и человѣкъ, бывшій моимъ дядькой во время пребыванія моего въ московскомъ пансіонѣ. Злодѣйскій умыселъ крылся уже нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ убійцы порѣшили исполнить его 14 іюля. Отецъ мой имѣлъ привычку ѣздить для прогулки въ лѣса на разстояніи двухъ-трехъ верстъ отъ двора, иногда со мною, иногда одинъ. Вечеромъ въ роковой день онъ приказалъ заложить въ дрожки пару лошадей и, посадивъ меня съ собою, велѣлъ ѣхать въ рощу, носившую названіе «Долгое». Усѣвшись на дрожки, я по какой-то причинѣ не захотѣлъ ѣхать съ отцомъ и предпочелъ, оставаясь дома, стрѣлять изъ лука, что было тогда моею любимою забавою. Я выскочилъ изъ дрожекъ; отецъ поѣхалъ одинъ. Прошло нѣсколько часовъ, наступила лунная ночь. Отцу пора было возвращаться; мать моя ждала его ужинать—его не было. Вдругъ вбѣгаетъ кучеръ и говорить: «барина лошади куда-то понесли». Сдѣлался всеобщій переполохъ, послали отыскивать, а между тѣмъ два лакея, участники заговора и—какъ есть подозрѣніе—съ ними и поваръ обдѣлывали свое дѣло: достали шкапулку, занесли ее на чердакъ и выбрали изъ нея всѣ деньги, которыхъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, полученныхъ моимъ отцомъ за заложенное имѣніе. Наконецъ одинъ изъ сельскихъ крестьянъ, посланный для отысканія барина, воротился съ извѣстіемъ, что «панъ лежитъ неживый, а у его голова красіе и кровь дзюрчить». Съ разсвѣтомъ, 15 іюля, мать моя отправилась со мною на мѣсто, и намъ представилось ужасное зрѣлище: отецъ лежалъ въ яру съ головой обезображенной до того, что нельзя было примѣтить человѣческаго образа. Вотъ уже 47 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но и въ настоящее время сердце обливается кровью, когда я вспомню эту картину, дополненную обра-

зомъ отчаянія матери при такомъ зрѣлищѣ. Приѣхала земская полиція, произвела разслѣдованіе и составила актъ, въ которомъ значилось, что отецъ мой несомнѣнно убитъ лошадыми. Отыскали даже на лицѣ отца слѣды шиповъ отъ лошадиныхъ подковъ. О пропажѣ денегъ слѣдствія почему-то не произвели.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ въ моей судьбѣ. Мать моя не жила уже въ прежнемъ дворѣ, а поселилась въ другомъ, находившемся въ той же слободѣ. Меня отдали учиться въ воронежскій пансіонъ, содержимый тамошними учителями гимназій, Оедоровымъ и Поповымъ. Пансіонъ находился въ то время въ домѣ княгини Касаткиной, стоящемъ на высокой горѣ, на берегу рѣки Воронежа, прямо противъ корабельной верфи Петра Великаго, его цейхгауза и развалинъ его домика. Пансіонъ пробылъ тамъ годъ, а потомъ, по поводу передачи дома въ военное вѣдомство на школу кантонистовъ, переведенъ былъ въ другую часть города, неподалеку отъ Дѣвичьяго монастыря, въ домъ Бородина. Хотя изъ новаго помѣщенія не представлялось такого прекраснаго вида, какъ изъ предыдущаго, но за-то при этомъ домѣ находился огромный, тѣнистый садъ съ фантастическою бесѣдкою; въ ней молодое воображеніе учениковъ пансіона представляло себѣ разные чудовищные образы, почерпнутые изъ страшныхъ романовъ, которые были тогда въ большой модѣ и читались съ большимъ наслажденіемъ тайкомъ отъ менторовъ, хлопотавшихъ о томъ, чтобы ученики читали только полезныя книги. Пансіонъ, въ которомъ на этотъ разъ мнѣ пришлось воспитываться, былъ однимъ изъ такихъ заведеній, гдѣ болѣе всего хлопотуть показать на видъ что-то необыкновенное, превосходное, а въ сущности мало даютъ надлежащаго воспитанія. Несмотря на свой тринадцатилѣтній возрастъ и шаловливость, я понималъ, что не научусь въ этомъ пансіонѣ тому, что для меня будетъ нужно для поступленія въ университетъ, о которомъ я тогда уже думалъ какъ о первой необходимости для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ. Большая часть дѣтей, обучавшихся въ этомъ пансіонѣ, принадлежала къ семействамъ помѣщиковъ, въ которыхъ укоренено было такое понятіе, что русскому дворянину не только незачѣмъ, но даже какъ бы унижительно заниматься наукою и слушать университетскія лекціи, что для дворянскаго званія самая приличная карьера—военная служба, которую можно было проходить короткое время, чтобы только дослужиться до какого-нибудь чина и потомъ зарыться въ свою деревенскую трущобу къ своимъ холопамъ и собакамъ. Вотъ поэтому въ пансіонѣ не учили почти ничему, что нужно было для

поступленія въ университетъ. Самое преподаваніе производилось отрывочно; не было даже раздѣленія на классы; одинъ ученикъ училъ то, другой иное; учителя приходили только спрашивать уроки и задавать ихъ вновь по книгамъ. Верхомъ воспитанія и образованія считалось лепетать по-французски и танцовать. Въ послѣднемъ искусствѣ и здѣсь, какъ нѣкогда въ Москвѣ, я былъ признанъ чистымъ идиотомъ: кромѣ моей физической неповоротливости и недостатка граціи въ движеніяхъ, я не могъ удержать въ памяти ни одной фигуры контр-данса, постоянно сбивался самъ, сбивалъ другихъ и приводилъ въ смѣхъ и товарищей, и содержателей пансіона, которые никакъ не могли понять, какъ это я могу вмѣщать въ памяти множество географическихъ и историческихъ именъ и не въ состояніи заучить такой обыкновенной вещи, какъ фигуры контр-данса. Я пробылъ въ этомъ пансіонѣ два съ половиною года и, къ счастью для себя, былъ изъ него изгнанъ за знакомство съ виннымъ погребомъ, куда, вмѣстѣ съ другими товарищами, я пробирался иногда по ночамъ за виномъ и ягодными водицами. Меня высѣкли и отвезли въ деревню къ матери, а матушка еще разъ высѣкла и долго сердилась на меня.

По просьбѣ моей, въ 1831 году, матушка опредѣлила меня въ воронежскую гимназію. Меня приняли въ третій классъ, равнявшійся по тогдашнему устройству нынѣшнему шестому, потому что тогда въ гимназіи было всего четыре класса, а въ первый классъ гимназій поступали послѣ трехъ классовъ уѣзднаго училища. Впрочемъ, принимая меня въ гимназію, мнѣ сдѣлали большое снисхожденіе: я очень былъ слабъ въ математикѣ, а въ древнихъ языкахъ совсѣмъ несвѣдующъ. Меня помѣстили у учителя латинскаго языка Андрея Ивановича Бѣлинскаго. То былъ добрый старикъ, родомъ галичанинъ, жившій въ Россіи уже болѣе тридцати лѣтъ, но говорившій съ сильнымъ малорусскимъ пошибомъ и отличавшійся настолько же добросовѣстностью и трудолюбіемъ, насколько и бездарностью. Воспитанный по старой бурсацкой методѣ, онъ не въ состояніи былъ ни объяснить надлежащимъ образомъ правилъ языка и тѣмъ менѣе внушить любовь къ преподаваемому предмету. Зная его честность и добродушіе, нельзя помянуть его недобрымъ словомъ, хотя съ другой стороны нельзя не пожелать, чтобы подобныхъ учителей не было у насъ болѣе. Вспоминая прежніе бурсацкіе обычаи, Андрей Ивановичъ серьезно изъявлялъ сожалѣніе, что теперь не позволяютъ ученикамъ давать субитки ¹⁾, какъ бывало на его родинѣ у дьячковъ, прини-

¹⁾ Обычай съѣвъ всѣхъ учениковъ по субботамъ, не обращая вниманія, кто изъ нихъ въ чемъ виноватъ или нѣтъ.

мавшихъ на себя долгъ воспитателей юношества. Другіе учителя гимназіи мало представляли изъ себя педагогическихъ образцовъ. Учитель математики Ѳедоровъ, бывшій мой хозяинъ въ пансіонѣ, былъ лѣнивъ до невыразимости и, пришедши въ классъ, читалъ, занеся на столъ, какой-нибудь романъ про себя, либо ходилъ взадъ и впередъ по классу, наблюдая только, чтобы въ это время всѣ молчали; за нарушеніе же тишины безъ церемоніи билъ виновныхъ по щекамъ. И въ собственномъ его пансіонѣ нельзя было отъ него научиться ничему по математикѣ. Трудно вообразить въ наше время существованіе подобнаго учителя, хотя это былъ человѣкъ, умѣвшій отлично пускать пыль въ глаза и тѣмъ устраивать себѣ карьеру. Впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, онъ былъ директоромъ училищъ въ Курскѣ и, принимая въ гимназіи посѣщеніе одного значительнаго лица, сообразилъ, что это значительное лицо неблагосклонно смотритъ на многоученіе, и когда это значительное лицо, обзрѣвая богатую библіотеку, пожертвованную гимназіи Демидовымъ, спросило его, какъ онъ думаетъ: умѣстно ли въ гимназіи держать такую библіотеку, — Ѳедоровъ отвѣчалъ: «нахожу это излишнею роскошью». Этотъ отвѣтъ много пособилъ ему въ дальнѣйшей его карьерѣ. — Учитель русской словесности, Николай Михайловичъ Севастіановъ, былъ типъ ханжи, довольно рѣдкій у насъ на Руси, какъ извѣстно мало отличающейся склонностью къ деотизму; онъ сочинялъ акаѣсты св. Митрофану, постоянно посѣщалъ архіереевъ, архимандритовъ, и пришедши въ классъ, болѣе поучалъ своихъ питомцевъ благочестію, чѣмъ русскому языку. Кромѣ того, въ своихъ познаніяхъ о русской словесности, это былъ человѣкъ до крайности отсталый: онъ не могъ слушать безъ омерзенія имени Пушкина, тогда еще бывшаго, такъ-сказать, идоломъ молодежи; идеалы Николая Михайловича обращались къ Ломоносову, Хераскову, Державину и даже къ кіевскимъ писателямъ XVII вѣка. Онъ преподавалъ по риторикѣ Копанскаго и задавалъ по ней писать разсужденія и впечатлѣнія, въ которыхъ изображались явленія природы: восходъ солнца, гроза, — риторически восхвалялись добродѣтели, изливалось негодованіе къ порокамъ и т. п. Всегда плотно выбритый, съ постною миною, съ заплаканными глазами, со вздыхающею грудью, являлся онъ въ классъ въ синемъ длинномъ сюртукѣ, заставлялъ учениковъ читать рядъ молитвъ, толковалъ о чудесахъ, чудотворныхъ иконахъ, архіереяхъ, потомъ спрашивалъ урокъ, наблюдая, чтобы ему отвѣчали слово въ слово, а признавая кого нибудь незнающимъ, заставлялъ класть поклоны. — Учитель естественной исторіи Сухомлиновъ, братъ бывшаго харьковскаго профес-

сора химіи, былъ человѣкъ неглупый, но мало подготовленный и мало расположенный къ наукѣ; впрочемъ, такъ какъ онъ былъ умнѣе другихъ, то несмотря на его недостатки, какъ учителя въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ все-таки могъ передать своимъ питомцамъ какіе-нибудь полезные признаки знанія. — Учитель всеобщей исторіи Цвѣтаевъ преподавалъ по плохой исторіи Шрека, не передавалъ ученикамъ никакихъ собственноустныхъ рассказовъ, не освѣщалъ излагаемыхъ въ книгѣ фактовъ какими бы то ни было объясненіями и взглядами, не познакомилъ учениковъ даже въ первоначальномъ видѣ съ критикою исторіи и, какъ видно, самъ не любилъ своего предмета: всегда почти сонный и вялый, этотъ учитель способенъ былъ расположить своихъ питомцевъ къ лѣни и полному безучастию къ научнымъ предметамъ. — Греческій языкъ преподавалъ священникъ Яковъ Покровскій, бывшій вмѣстѣ и законоучителемъ. Онъ отличался только рѣзкими филиппиками противъ пансіонскаго воспитанія, вообще оказывалъ нерасположеніе къ свѣтскимъ училищамъ, восхвалялъ семинаріи и поставилъ себѣ за правило выговаривать такъ, какъ пишется, требуя того же и отъ учениковъ, чѣмъ возбуждалъ только смѣхъ. Это былъ человѣкъ до крайности грубый и заносчивый, а впоследствии, какъ мы узнали, оводовъши, былъ судимъ и лишенъ священническаго сана за нецѣломудренное поведеніе. — Учитель французскаго языка Журденъ, бывшій нѣкогда капитанъ наполеоновской арміи и оставшійся въ Россіи въ плѣну, не отличался ничѣмъ особеннымъ, былъ вообще лѣнивъ и апатиченъ, ничего не объяснялъ и только задавалъ уроки по грамматикѣ Ломонда, отмѣчая въ ней ногтемъ мѣста, слѣдующія къ выучкѣ и произнося всѣмъ одно и то-же: *jusqu'ici*. Только когда припоминались ему по какому нибудь случаю подвиги Наполеона и его великой арміи, обычная апатичность оставляла его и онъ невольно показывалъ неизбѣжныя свойства своей національности, дѣлался живымъ и произносилъ какую-нибудь хвастливую похвалу любимому герою и французскому оружію. Считаю при этомъ кстати вспомнить случай, происшедшій у меня съ нимъ еще въ пансіонѣ Ѳедорова, гдѣ онъ, по выходѣ Попова, былъ помощникомъ содержателя и имѣлъ жительство въ пансіонѣ. Я не поладилъ съ гувернеромъ нѣмцемъ, по фамиліи Праль; Журденъ поставилъ меня на колѣни и осудилъ оставаться безъ обѣда. Желая какъ нибудь смягчить его суровость, я, стоя на колѣняхъ во время обѣда, сказалъ ему: *monsieur Jourdin!* вѣдь *Prahler* по-нѣмецки значитъ хвастунъ. «*Chut! tenez vous!*» прошипѣлъ Журденъ. Но я продолжалъ: эти нѣмцы большіе хвастуны, вѣдь какъ ихъ Наполеонъ билъ! «Охъ какъ

билъ!» воскликнулъ Журдентъ и, пришедши въ восторгъ, началъ вспоминать Іенскую битву. Воспользовавшись его одушевленіемъ, я попросилъ у него прощенія, и строгій капитанъ смягчился и позволилъ мнѣ сѣсть обѣдать.—Нѣмецкимъ учителемъ былъ нѣкто Фляммъ, не отличавшійся особымъ педагогическимъ талантомъ и плохо понималъ по-русски, отчего его предметъ не процвѣталъ въ гимназіи. Ученики, какъ вездѣ бывало на Руси съ нѣмцами, дурачились надъ его неумѣніемъ объясняться по-русски. Такъ напримѣръ, не зная, какъ произнести порусски слово «акцентъ», онъ, вмѣсто того, чтобы сказать поставить удареніе — говорилъ: сдѣлайте ударъ—и ученики, потѣшаясь надъ нимъ, всѣ залпомъ стучали кулаками о тетрадь. Нѣмецъ выходилъ изъ себя, но никакъ не могъ объяснить того, что хотѣлъ, и весь классъ хохоталъ надъ нимъ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о тогдашнемъ директорѣ гимназіи фонъ-Галлерѣ. Онъ отличался тѣмъ, что каждый ученикъ, пріѣзжая съ домового каникулярнаго отпуска, считалъ обязанностью своею принести посильный подарокъ: кто—пару гусей, а кто—фунтъ чаю или голову сахару; директоръ выходилъ къ ученику въ прихожую, распекалъ его за дерзость, говорилъ, что онъ не взяточникъ и прогонялъ ученика съ его подаркомъ; но въ сѣняхъ, куда уходилъ съ прихожей ученикъ, являлась женская прислуга, брала подарокъ и уносила на заднее крыльцо. Ученикъ приходилъ въ классъ и замѣчалъ, что директоръ, во время своего обычнаго посѣщенія классовъ, показывалъ къ нему особенную ласку и благоволеніе. Директоръ нѣсколько лѣтъ занималъ лично для себя весь бель-этажъ гимназическаго зданія, а классы помѣщались по чердакамъ; это побудило учителей подать на него доносъ: пріѣхалъ ревизоръ, и директоръ долженъ былъ перейти изъ гимназическаго зданія на наемную квартиру. Скоро послѣ того начальство устранило его отъ должности. Число учениковъ гимназіи въ то время было невелико и едва ли простиралось до двухсотъ человѣкъ во всѣхъ классахъ. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, родители зажиточные и гордившіеся своимъ происхожденіемъ или важнымъ чиномъ считали какъ бы унижительнымъ отдавать сыновей своихъ въ гимназію: поэтому заведеніе наполнялось дѣтьми мелкихъ чиновниковъ, небогатыхъ купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ. Плебейское происхожденіе выказывалось очень часто въ пріемахъ и способѣ обращенія воспитанниковъ, какъ равно и въ упущенности первичнаго воспитанія, полученнаго въ родительскомъ домѣ. Грубыя ругательства, драки и грязныя забавы были нипочемъ въ этомъ кругу. Между учениками было довольно лѣнтяевъ, почти не ходившихъ

въ гимназію, а тѣ, которые были поприлежнѣе, заранѣе приучены были смотрѣть на ученіе только какъ на средства, полезныя въ жизни для добыванія насущнаго хлѣба. Объ охотѣ къ наукамъ можно судить уже изъ того, что изъ окончившихъ курсъ въ 1833 году одинъ я поступилъ въ университетъ въ томъ же году, а три моихъ товарища поступили въ число студентовъ тогда, когда я былъ уже на второмъ курсѣ.

Во время своего пребыванія въ гимназіи, въ вакаціонные сроки я ѣзжалъ домой къ матери; иногда за мною присылали своихъ лошадей и экипажъ, лѣтомъ—бричку, а зимою—крытыя сани; иногда же я слѣдовалъ на почтовыхъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ путь лежалъ до Острогожска по столбовой почтовой дорогѣ, черезъ села: Оленій Колодезь, Хворостанъ и городъ Коротоякъ, гдѣ переправлялись черезъ Донъ. Не доѣзжая до Коротояка, дорога, на протяженіи верстъ сорока, шла въ виду Дона на лѣвой сторонѣ; вблизи Хворостани виднѣлось живописное село Оношкино, въ 1827 году сползшее съ горы, подмытой Дономъ. Этотъ феноменъ природы, какъ говорятъ, никому не стоилъ жизни, потому что почти всѣ люди были въ полѣ. Отъ Острогожска, если ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ, мнѣ приходилось пробираться до своей слободы по хуторамъ, которыхъ множество въ этой сторонѣ. До самой слободы я не встрѣчалъ ни одной церкви. Хуторки, по которымъ я проѣзжалъ, всѣ были вольные, населенные такъ-называемыми войсковыми обывателями, потомками прежнихъ острогожскихъ козаковъ и ихъ подпомощниковъ. Весь этотъ край носилъ названіе рыбаьнскаго, и обитатели хуторовъ, какъ и города, какъ бы въ отличіе отъ прочихъ малоруссовъ, назывались рыбаьнами. У нихъ былъ отличный стѣ другихъ говоръ и костюмъ. Впослѣдствіи, побывавши на Волыни, я увидалъ, что то и другое обличаетъ въ рыбаьнахъ чисто-волынскихъ переселенцевъ, тогда какъ жители другихъ краевъ острогожскаго уѣзда поюжнѣе обличаютъ своимъ выговоромъ, одеждою и домашнею обстановкою происхожденіе изъ другихъ сторонъ малорусскаго края. Рыбаьне жили тогда вообще зажиточно; земли у нихъ было вдоволь, а иные отправляли разные промыслы и ремесла.

Если приходилось ѣхать на почтовыхъ, то путь лежалъ нѣсколько восточнѣе, на Пушкинъ хуторъ, гдѣ перемѣнялись лошади; тамъ была обывательская почта, и наѣзавши почтовыхъ, можно было ѣхать въ Юрасовку. Обыкновенно, выѣзжая изъ Воронежа, я достигалъ Юрасовки на другой день; но если ѣхалъ на почтовыхъ, то и ранѣе. Новый домъ моей матери былъ о пяти покояхъ, крытый камышомъ, и стоялъ въ оконечности слободы, на огромномъ

дворѣ, гдѣ, кромѣ дома, амбаровъ, сараевъ и конюшенъ, было три хаты, а въ глубинѣ двора лежалъ фруктовый садъ, десятинахъ на трехъ, упирившійся въ коноплянникъ, окаймленный двумя рядами высокихъ вербъ, за которыми тянулось неизмѣримое болото. Прежде, какъ говорятъ, здѣсь текла рѣка; но въ мое время она вся поросла камышомъ и осокой, за исключеніемъ нѣсколькихъ плесъ, и то лѣтомъ, густо покрытыхъ лататьемъ ¹⁾. Въ саду было значительное число яблочныхъ, грушевыхъ и вишневыхъ деревьевъ, родившихъ плоды вкусныхъ сортовъ. Въ одномъ углу сада былъ омшеникъ для пчелъ, которыхъ моя мать очень любила. Садъ по забору былъ обсаженъ березами и вербами, а я, кромѣ того, насадилъ тамъ кленовъ и ясеней. Любимымъ препровожденіемъ времени во дни пребыванія у матери была ѣзда верхомъ. Былъ у меня сѣрый конь, купленный отцомъ на Кавказѣ, чрезвычайно быстрый и смирный, хотя и не безъ капризовъ: стоило только сойти съ него, онъ сейчасъ вырывался изъ рукъ, брыкалъ задними ногами и во всю прыть убѣгалъ въ конюшню. Я скакалъ на немъ и по своимъ, и по чужимъ полямъ. Кромѣ этой забавы, я иногда ходилъ стрѣлять, но, по своей близорукости, не отличался особеннымъ искусствомъ; притомъ же мнѣ и жалъ было истреблять невинныхъ тварей. Помню, какъ одинъ разъ я выстрѣлилъ въ кукушку и убилъ ее; мнѣ такъ стало жалъ ее, что нѣсколько дней меня словно томила совѣсть. Въ лѣтнія вакаціи мои охотничьи подвиги успѣшнѣе всего обращались на скворцовъ, которые густыми тучами садились на вишни и объѣдали ягоды. Здѣсь незачѣмъ было цѣлиться: стоило пустить зарядъ дробы по вершинамъ вишенъ и подбирать убитыхъ и подстрѣленныхъ птичекъ кучами, отдавая потомъ ихъ въ кухню для приготовления на жаркое.

Кромѣ охоты и верховой ѣзды, меня увлекало плаваніе по водѣ. За неимѣніемъ настоящаго челна, я устроилъ себѣ корабль собственнаго изобрѣтенія: то были двѣ связанныя между собою доски, на которыхъ ставились ночвы. Я садился въ эти ночвы съ весломъ и отправлялся гулять по камышамъ. Такъ какъ вблизи моего дома плеса не были велики и притомъ густые корни лататя преграждали путь моему импровизованному судну, то я перевезъ его за семь верстъ въ чужое имѣніе, гдѣ рѣка была шире и чище, ѣздили туда плавать и часто проводилъ тамъ цѣлые дни, нерѣдко забывая и обѣдъ.

Въ 1833 году, когда я ожидалъ уже окончанія курса гимна-

¹⁾ Водяное растеніе *Nymphaea* = кувшинникъ.

зіи, случилось въ моемъ домѣ неожиданное и крайне непріятное событіе. Мать моя уѣхала ко мнѣ въ Воронежъ на зимнихъ святкахъ. Въ это время на нашъ деревенскій домъ напали ночью разбойники; связали сторожа, покалѣчили нѣсколькихъ дворовыхъ людей, забивая имъ подъ ногти шилья, жгли свѣчкою, допрашивая есть ли у барыни деньги; потомъ пошли въ домъ, поотбѣивали замки въ комодахъ и шкафахъ и ограбили все. Когда начало производиться слѣдствіе, оказалось, что виновникомъ этого разбоя былъ помѣщикъ валуйскаго уѣзда, отставной прапорщикъ Заварыкинъ, а въ соумышленіи съ нимъ былъ одинъ изъ нашихъ крестьянъ-малоруссовъ, другой — изъ чужихъ въ той же слободѣ. Виновные были сосланы въ Сибирь.

Въ тотъ же годъ открылась и настоящая причина смерти отца моего. Кучеръ, возившій его въ лѣсъ, явился къ священнику и потребовалъ, чтобы былъ собранъ звономъ народъ: онъ на могилѣ барина объявить всю правду о его смерти. Такъ было сдѣлано. Кучеръ всенародно, припадая къ могилѣ, находившейся близъ церкви, возопилъ: «баринъ, Иванъ Петровичъ, прости меня! А вы, православные христіане, знайте, что его убили не лошади, а мы, злодѣи, и взяли у него деньги, а ими судъ подкупили». Началось слѣдствіе, потомъ — судъ. Кучеръ обличилъ двухъ лакеевъ, которые, однако, отъ убійства упорно заирались, но не могли скрыть того, что грабили деньги и ими подкупали судъ. Къ дѣлу привлеченъ былъ и поваръ, но тотъ заирался во всемъ и, за неимѣніемъ уликъ, былъ оставленъ въ покоѣ. Главнѣйшій же изъ убійцъ былъ уже въ могилѣ. Замѣчательно, что когда виновныхъ стали допрашивать въ судѣ, кучеръ говорилъ: «самъ баринъ виноватъ, что насъ искусилъ; бывало начнетъ всѣмъ разсказывать, что Бога нѣтъ, что на томъ свѣтѣ ничего не будетъ, что только дураки боятся загробнаго наказанія — мы и забрали себѣ въ голову, что коли на томъ свѣтѣ ничего не будетъ, то значить все можно дѣлать». Убійцы сосланы въ Сибирь. Члены земской полиціи были также привлечены къ отвѣтственности и приняли достойное наказаніе; но виновнѣйшій изъ нихъ, застѣдатель, во избѣжаніе грозящей судбы, отравился.

II.

Студенчество и юность. Первая литературная дѣятельность.

По окончаніи курса гимназіи, мнѣ, шестнадцати лѣтъ отъ роду, приходилось вступать въ университетъ; но тутъ-то я почувствовалъ, что слабъ въ математикѣ, да и при всемъ желаніи не

могъ быть въ ней силенъ, когда учитель ничего не преподавалъ. Я пригласилъ для своей подготовки сосѣда, бывшаго инженера, женившагося въ то время на дочери помѣщика въ той же слободѣ. Мой новый учитель оказался вполне хорошимъ и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, занимаясь каждый день съ утра до вечера, я успѣлъ выучить почти весь курсъ того, что нужно было для вступительнаго экзамена въ университетъ. Учитель прошелъ со мною и коническія сѣченія, которыя тогда требовались. Въ половинѣ августа 1833 года, со страхомъ и трепетомъ я отправился въ Харьковъ съ матерью и моимъ учителемъ. Вступительный экзаменъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Профессоръ математики Павловскій, отличавшійся, какъ о немъ говорили, большою строгостью и неснисходительностью, пропустилъ меня, записавши мнѣ хорошій баллъ. Радость моя была непомѣрная. Меня помѣстили у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго. Я попалъ къ нему совершенно случайно. Не предполагая прежде помѣститься у этого профессора, я отправился къ нему вмѣстѣ со своимъ учителемъ поговорить на счетъ вступительнаго экзамена изъ латыни, въ которой я себя чувствовалъ недостаточно крѣпкимъ послѣ уроковъ Андрея Ивановича Бѣлинскаго. И мнѣ, и моему учителю Петръ Ивановичъ такъ понравился, что, выходя отъ него, мы разсудили, что всего лучше мнѣ помѣститься у этого профессора. Передавши нашу мысль моей матери, мы снова отправились къ Сокальскому и договорились съ нимъ о квартирѣ. Окончивъ вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, я простился съ матерью и моимъ деревенскимъ учителемъ, уѣхавшими домой, а самъ остался въ домѣ Сокальскаго. Мнѣ дали отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ, въ которомъ, кромѣ меня, было четверо студентовъ, проживавшихъ у Сокальскаго также въ отдѣльныхъ комнатахъ. Содержаніе и обращеніе съ нами было очень хорошее; одно только нѣсколько беспокоило меня: Сокальскій не позволялъ курить табакъ, и это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, всунувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажегъ сажу и самъ испугался; едва потушили и не допустили до пожара, но послѣ того Сокальскій махнулъ рукою и сказалъ: «лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете!»

Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ я усиленно занялся изученіемъ языковъ, особенно латинскаго, который я очень любилъ, и вообще меня сталъ сильно привлекать античeskій міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятни-

камъ искусствъ. Однажды, читая Иліаду въ подлинникъ съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Эліона. Я подготовилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я упросилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ; одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по-женскя, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромуху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ его гости — профессеры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ менторскій суровый видъ, но потомъ, узнавши въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ впрочемъ и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

... глава Приаида,

Прежде прекрасная, бьется во прахъ...

Когда послѣ того мы пошли къ нему обѣдать, онъ во все продолженіе стола, глядя на меня, не могъ удержаться отъ смѣха и говорилъ своимъ домашнимъ: «вотъ угостили меня! дали возможность повидать древность въ лицахъ!»

Семейство Сокальскаго состояло тогда изъ жены, трехъ малолѣтнихъ сыновей (изъ нихъ одинъ теперь харьковскій профессоръ, другой — редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» и замѣчательный піанистъ, а третій недавно скончался) и старой тещи, женщины чрезвычайно доброй и любимой всѣми студентами. Эта послѣдняя, по имени Надежда Емельяновна, осталась у меня въ памяти, какъ тиль старой, добродушной малороссіянки. Она говорила со всѣми не иначе, какъ по-малорусски, очень заботилась о выгодахъ квартирантовъ и по воскресеньямъ сама пекла и приносила намъ на завтракъ превосходные пирожки. Уже много лѣтъ, еще до женитьбы Сокальскаго на ея дочери, она содержала у себя квартирантовъ-студентовъ и хвалилась тѣмъ, что ее называли: «студентська мати». Въ числѣ ея бывшихъ нахлѣбниковъ былъ знаменитый Остроградскій, о которомъ она сохраняла благоговѣйное воспоминаніе, какъ о лучшемъ изъ юношей, у нея проживавшихъ.

Въ то время харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія каѳедры занимались отчасти людьми без-

дарными, отчасти же хотя и талантливыми, какимъ былъ, на-
примѣръ, Кронебергъ, но лѣнивыми. Въ нашемъ историко-фило-
логическомъ факультетѣ русская словесность была въ рукахъ нѣ-
когого Якимова. Онъ въ свое время прославился бездарнѣйшимъ
переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ
примѣръ безсмыслицы.—Русскую исторію читалъ Гулакъ-Артемов-
скій, человѣкъ безспорно съ поэтическимъ дарованіемъ, какъ по-
казали его малорусскія стихотворенія, но въ своихъ лекціяхъ по
русской исторіи отличавшійся пустымъ риторствомъ и напыщен-
ностью.—Профессоръ всеобщей исторіи Цыхъ былъ вскорѣ переве-
денъ въ Кіевъ. Онъ читалъ древнюю исторію по Герену и почти
не прибавлялъ къ ней ничего своего. — Философію преподавалъ
нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ.—Гре-
чeskій языкъ читалъ какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой
предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій русскимъ язы-
комъ и даромъ изложенія на какомъ бы то ни было языкѣ.—Фран-
цузскій языкъ читалъ Паки-де-Совиньи, бывшій недавно передъ
тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ
смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ
духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литера-
турѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи. Онъ пред-
ставлялъ, какъ въ праздникъ Богоявленія архіерей святить воду
и «суевѣры» бросаются къ рѣкѣ съ кувшинами, а «philosophe» ду-
маетъ себѣ иное; вооружался противъ крѣпостного права и копи-
ровалъ разговоръ съ помѣщикомъ такимъ образомъ: «пожалуйте,
за што ви бѣтеъ вашъ мальшикъ?» «О! онъ мой холѣпъ?» Qu'est-
ce que c'est холѣпъ?» Помѣщикъ отвѣчаетъ: «ми, при государиня
Катерина Алексѣевна шили и били свой шелювѣкъ». «Ah, mon-
sieur! при Катерина Алексѣевна биль одно время,—теперь—дру-
goe!» Начинались сто разъ повторяемые анекдоты о Вольтерѣ, о
достоинствахъ его произведеній, цитировались стихи изъ какой
нибудь Альзиры, потомъ снова слѣдовало обращеніе къ Россіи съ
указаніемъ разныхъ недостатковъ ея; впрочемъ доставалось на
долю и нѣмцамъ. Паки-де Совиньи, какъ истый французъ, счи-
талъ французскій народъ самымъ образованнымъ въ свѣтѣ и го-
ворилъ, что хотя у нѣмцевъ есть стихотворцы, какъ Шиллеръ и
Гёте, но куда имъ до Расина, Кребильона и Вольтера. Ему из-
вѣстна была только старая французская литература, о новой, со-
временной, онъ не имѣлъ никакого понятія, да и знать объ ней
не хотѣлъ.—Попечителемъ харьковскаго университета былъ тогда
нѣкто Филатьевъ, который въ первыхъ мѣсяцахъ 1834 года былъ
переведенъ на какую-то другую должность и уѣхалъ, не подпи-

савши утвержденія въ званіи студентовъ болѣе ста лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ текущемъ академическомъ году. Въ числѣ этихъ неутвержденныхъ студентовъ былъ и я. Сокальскій объявилъ мнѣ, что, по силѣ университетскаго устава, я не имѣю права ни слушать лекціи, ни держать переходнаго экзамена; впрочемъ польстилъ меня надеждою, что, вѣроятно, будущій попечитель утвердитъ насъ всѣхъ и намъ дозволитъ держать переходный экзаменъ. Но такъ какъ слушать лекціи болѣе нельзя было, то я уѣхалъ изъ Харькова къ матери незадолго до святой недѣли и пробылъ въ деревнѣ до августа того же года. Никогда въ жизни я до такой степени не сближался съ сельскою природою какъ въ это время, тѣмъ болѣе, что со времени смерти моего отца, никогда не жилъ въ деревнѣ въ весенніе мѣсяцы и въ началѣ лѣта. Меня занимала каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждая птичка и букашка. Между тѣмъ я въ деревнѣ продолжалъ учиться по-латыни и по-французски, такъ что къ концу лѣта могъ уже свободно читать *à livre ouvert* всякія французскія книги и прочелъ въ это время *Notre Dame* Гюго, книгу, извѣстную по трудности языка, наполненнаго разными архаизмами. Эта книга сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; я полюбилъ ея автора и принялся жадно за чтеніе другихъ его сочиненій. Въ августѣ я отправился въ Харьковъ. Тамъ былъ уже новый попечитель графъ Головкинъ, восьмидесятилѣтній старецъ, прошедшій жизнь за-границей и объяснявшійся по-русски очень плохо. Первымъ его дѣломъ по вступленіи было утвердить всѣхъ неутвержденныхъ его предшественникомъ студентовъ. Намъ позволили держать экзаменъ и черезъ нѣсколько дней я былъ переведенъ на второй курсъ. Въ этотъ академическій годъ я проживалъ по прежнему у Сокальскаго, хотя уже въ другомъ домѣ, только что имъ отстроенномъ. Любовь къ латинскому языку и антическому міру стала у меня охладѣвать. Я съ жаромъ увлекся французскимъ языкомъ, а съ зими началъ заниматься и италіанскимъ. Между тѣмъ мнѣ пришло желаніе взяться и за музыку; я купилъ себѣ фортепіано за триста рублей ассигнаціями и договорилъ себѣ учителя; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ желаніе къ музыкѣ стало проходить, тѣмъ болѣе, что музыка требовала занятій по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ въ день, а я на то совсѣмъ не имѣлъ времени. Съ бѣльшимъ постоянствомъ я испытывалъ свои силы въ стихотворствѣ, которымъ началъ заниматься еще во время своего пребыванія въ деревнѣ, куда удалился-было, оставшись неутвержденнымъ въ званіи студента. Передъ тѣмъ любимѣйшимъ занятіемъ моимъ было изученіе древнихъ авторовъ и особенно *Виргилія*. Я

получилъ вкусъ къ античному изображенію сельской природы и писалъ на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія, употребляя гекзаметръ, который изъ всѣхъ размѣровъ мнѣ особенно нравился. Эти первые опыты остались ненапечатанными, а въ послѣдствіи, увлекшись исторіей, я совершенно оставилъ стихописательство на русскомъ языкѣ.

1835 годъ былъ знаменателенъ въ исторіи харьковскаго университета: въ немъ показывалось какое-то обновленіе. По разнымъ кафедрамъ присланы были свѣжія, молодые силы, новые люди, возвратившіеся изъ за-границы, куда были посылаемы министромъ для окончанія образованія. Нашъ историко-филологическій факультетъ былъ обновленъ появленіемъ двухъ талантливыхъ и ученыхъ профессоровъ. Первый былъ по кафедрѣ всеобщей исторіи Михаилъ Михайловичъ Лунинъ; второй—по кафедрѣ греческой словесности — Альфонсъ Осиповичъ Валицкій. Первый былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостію, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Его лекціи по древней исторіи, и преимущественно Востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и о борьбѣ его съ язычествомъ, были столько же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторію Новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекціи этого профессора оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ. Валицкій менѣе имѣлъ на меня вліянія, чѣмъ Лунинъ, такъ какъ я не имѣлъ ни надлежащей подготовки, ни особаго стремленія, чтобы сдѣлать греческую литературу и древности для себя спеціальностью; но я посѣщалъ его лекціи и слушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Замѣтимъ, что Валицкій имѣлъ отличный даръ слова и былъ вообще въ изложеніи своего предмета гораздо живѣе Лунина.

Съѣздивши на вакаціи въ деревню и пріѣхавши снова въ Харьковъ въ августѣ 1835 года, я уже не сталъ жить у Сокальского и помѣстился у Артемовекаго-Гулака. Здѣсь я съ большимъ

увлеченіемъ занимался исторією и проводилъ дни и ночи надъ чтеніемъ всевозможныхъ историческихъ книгъ. Мнѣ хотѣлось знать судьбу всѣхъ народовъ; не менѣе интересовала меня и литература съ исторической точки ея значенія.

Дворъ Артемовскаго-Гулака помѣщался почти при оконечности города, на одной изъ улицъ, выходившихъ къ полю. Проминувши нѣсколько дворовъ, можно было достигнуть стараго кладбища съ небольшою церковью; въ ясные весенніе и осенніе дни ходить туда сдѣлалось для меня обычною прогулкою. Узнавши объ этомъ, мой хозяинъ растолковалъ это припадкомъ меланхоліи и сталъ уговаривать меня избирать для прогулокъ болѣе веселыя и людныя мѣста. Самъ онъ помѣщался въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выходившемъ фасадомъ на улицу, а внутри довольно нарядно убранномъ. Студенты были размѣщены въ двухъ флигеляхъ, стоявшихъ на дворѣ; въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, жило двое студентовъ: Деревицкій и я. Вообще во все время своего студенчества я мало сближался съ товарищами, хотя съ тѣми, съ которыми случай доставилъ возможность быть знакомымъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ. О характерѣ студентской корпораціи того времени можно замѣтить, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждого ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студентскому званію. Студенты знакомились и дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій. Вообще студентовъ тогдашнихъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ харьковскомъ университетѣ, это было не трудно: профессеры были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшіеся въ протекціи. «*Manus manam lavat*» (рука руку моетъ) говаривали они по этому поводу. Проболтавшись три года въ Харьковѣ, батюшкинъ или матушкинъ сыночекъ получалъ

ученую степень, дававшую право на классный чинъ, и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопатывалъ себѣ какуюнибудь номинальную должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, или чтонибудь подобное, чѣмъ, какъ извѣстно, была обильна наша старая Русь-матушка, иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какогонибудь генерала, а послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею: харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей; успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя, по темнотѣ послѣднихъ, не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможныя произвольныя толкованія и системы. Наконецъ, 4) люди не настолько богатые чтобы помѣщаться у профессоровъ и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя какъ попало: многіе предавались кутежамъ всякаго рода, иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробираться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ въ одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или кандидаты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени.

Несмотря на то, что я жилъ у профессора, любовь къ занятіямъ была у меня настолько сильна, что мнѣ не приходилось пользоваться протекціею моего хозяина профессора. Я постоянно

сидѣлъ за книгами, не имѣлъ въ городѣ почти никакихъ знакомыхъ и самыхъ товарищей принималъ рѣдко. Такой образъ жизни велъ я до самыхъ рождественскихъ святокъ, когда отправился въ деревню къ матери. Наканунѣ Крещенія, собираясь возвращаться въ Харьковъ, я поѣхалъ въ свой уѣздный городъ взять подорожную и, возвращаясь къ вечеру въ слободу, почувствовалъ себя больнымъ. Пріѣхавши домой, я заболѣлъ оспой и пролежалъ болѣе мѣсяца, а потомъ выздоравливалъ до конца марта. Болѣзнь моя была такъ сильна, что нѣсколько дней боялись смерти или, что еще хуже, слѣпоты. Глаза мои, и безъ того уже требовавшіе очковъ для близорукихъ, съ этихъ поръ еще болѣе ослабли. 25 марта я пустился въ дорогу еще съ красными пятнами на лицѣ и съ слабыми мускулами; меня останавливали, но мнѣ ни за что не хотѣлось пропустить экзамена и оставаться въ университетѣ лишній годъ. Оказалось, что въ мое отсутствіе разнеслась вѣсть о моей смерти, и какой-то студентъ въ отвѣтъ профессору, перекликавшему студентовъ на репетиціи и упомянувшему мое имя, заявилъ, что я умеръ, а профессоръ перечеркнулъ въ спискѣ мое имя. Послѣ святой недѣли я принялся сильно готовиться къ экзамену и въ іюнѣ выдержалъ его. Всѣ отмѣтки были вполнѣ удовлетворительны; я былъ въ увѣренности, что получу степень кандидата за отличіе. Вспомню при этомъ забавный случай, бывшій съ профессоромъ Паки-де Совиньи. Такъ какъ этотъ наставникъ, по старому обыкновенію своему, не преподавалъ никакой науки, а только либеральничалъ въ аудиторіи, то трудно было кому бы то ни было сдавать экзаменъ изъ преподаваемаго имъ предмета. Заведено было, что предъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать «лесоны» и платили за каждый по красненькой (10 рублей ассигнаціями); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторію литературы и заставляеть меня прочитатъ одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика: «De la litterature française sous Henri IV». Я прочелъ и далъ ему красненькую. «Bien, monsieur: vous aurez *optime*». Но я замѣтилъ ему, что «*optime*» для меня мало, что для меня нужно «*éminenter*», потому что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ *optime* ¹⁾, то мнѣ не дадутъ степени кандидата; я же не надѣялся получить *éminenter* изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ: «pour l'*éminenter* il faut prendre encore une leçon». Я далъ ему еще одну красненькую. Паки де-Совиньи заставилъ меня прочесть то же самое, что я только что читалъ и общалъ поста-

¹⁾ *optime*—очень хорошо, *éminenter*—превосходно.

вить *eminenter*; но когда я пришел на экзаменъ и былъ вызванъ, Паки де-Совиньи перепуталъ мою фамилію съ фамиліею другого студента и спросилъ меня «*De la litterature française en général*». Я приостановился, а профессора, члены факультета, знавшіе продѣлки француза, поняли въ чемъ дѣло и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты, сидѣвшіе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я, не обращая вниманія, продолжаю заученное, и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ *optime*, но деканъ факультета, знавшій все это, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ *eminenter*, насмѣшивши и профессоровъ, и студентовъ. Но мнѣ не помогло ничто. Когда я, въ полной увѣренности, что буду кандидатомъ, уѣхалъ домой на вакацію, Артемовскій-Гулакъ написалъ мнѣ, что я не получу степени кандидата, потому что законоучитель, экзаменовавшій меня при переходѣ изъ перваго курса во второй, записалъ мнѣ по предмету богословія «*bene*» (хорошо) и такъ какъ при окончательномъ экзаменѣ не спрашивали изъ богословія, то прежде выставленная аттестація служила и при окончательномъ экзаменѣ, а имѣющему хотя одно «*bene*» не давалась степень кандидата за отличіе. Нечего было дѣлать; приходилось ѣхать въ Харьковъ и держать особый экзаменъ на степень кандидата.

Послѣ вакацій я отправился снова, помѣстился у того же Артемовскаго-Гулака, но уже на другихъ условіяхъ: онъ отказался брать съ меня деньги за помѣщеніе и предложилъ мнѣ преподавать исторію его сыновьямъ. Въ такомъ положеніи я прожилъ до января 1837 года, когда былъ подвергнутъ экзамену. Случилось странное обстоятельство, показывающее до какой степени соблюденіе формальностей шло въ-разрѣзъ съ здравымъ смысломъ. Казалось бы, если богословіе помѣшало мнѣ получить степень кандидата, то стоило подвергнуть меня экзамену изъ одного богословія; меня, напротивъ того, экзаменовали изъ всѣхъ предметовъ, исключая богословія, такъ какъ послѣдняя наука не входила въ программу на степень кандидата. На этомъ же экзаменѣ со мною произошелъ опять забавный случай. Я экзаменовался изъ философіи. Профессоръ этого предмета Протопоповъ давалъ студентамъ свои записки, напичканныя туманными фразами изъ нѣмецкихъ философовъ; были мѣста, въ которыхъ по-руски никакъ нельзя было добраться смысла, и учить его философію было истин-

ное мученіе для студентовъ. Я въ это время уже немного ознакомился съ нѣмецкими философами и часто, между товарищами, для потѣхи, говорилъ по-русски философскимъ языкомъ совершенную чепуху, показывая, какъ можно, при помощи этого философскаго тумана, озадачить другихъ и показаться глубоко-ученымъ именно потому, что слушающій ничего не пойметъ. Будучи увѣренъ, что самъ много-ученый профессоръ не совсѣмъ ясно понималъ то, чему его научили нѣмцы, которыхъ языкъ онъ зналъ съ грѣхомъ пополамъ, я умышленно занесъ ему на экзаменѣ бессмыслицу, уснащая ее всевозможными «абсолютами, абстрактами» и тому подобными терминами, бывшими тогда въ модѣ въ философскомъ языкѣ. Протопоповъ выслушалъ со вниманіемъ и записалъ мнѣ—превосходно, воображая, что я вѣрно говорилъ ему то, чтѣ прочиталъ въ какой нибудь нѣмецкой книгѣ.

По окончаніи экзамена и получивъ степень кандидата, я уѣхалъ въ деревню и вскорѣ опредѣлился въ Кинбургскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Къ этому меня побудило желаніе узнать людей и всякое общество, между прочимъ и военное, мнѣ совершенно неизвѣстное; но нести военную службу мнѣ помѣшало воспрещеніе носить очки въ званіи юнкера и кромѣ того не прошло еще мѣсяца, какъ мнѣ уже стали надоѣдать военныя ученія и тогдашніе военные товарищи, которыхъ крайнюю пустоту я увидѣлъ. Вдобавокъ, въ городѣ Острогожскѣ, гдѣ стоялъ тогда полкъ, былъ очень богатый архивъ уѣзднаго суда, сохранившій всѣ старыя дѣла бывшаго козацкаго полка со временъ основанія города. Я сталъ заниматься этими дѣлами и увлекся этимъ занятіемъ. Это былъ мой первый опытъ въ занятіяхъ русскою исторіею по источникамъ и первою школою для чтенія старыхъ бумагъ. Археологическія занятія стали отвлекать меня отъ военной службы: вахмистръ жаловался на мое нерадѣніе, наконецъ командиръ полка пригласилъ меня къ себѣ и совѣтовалъ оставить военную службу, представляя, что я не одаренъ къ ней никакими способностями и вѣроятно принесу болѣе пользы обществу въ другой сферѣ. Я удалился и всецѣло принялся за свою археологію. Поработавъ цѣлое лѣто надъ козацкими бумагами, я составилъ по нимъ историческое описаніе Острогожскаго слободскаго полка, приложилъ къ нему въ спискахъ много важнѣйшихъ документовъ и приготовилъ къ печати; но потомъ задумалъ такимъ же образомъ перебрать архивы другихъ слободскихъ полковъ и составить исторію всей слободской Украины. Намѣреніе это не приведено было къ концу: мой начатый трудъ со всѣми документами, приложенными въ спискахъ къ моему обзору, попался въ Кіевѣ между прочими бу-

магами при моей арестаціи въ 1847 году и мнѣ возвращенъ не былъ.

Осенью 1837 года я отправился въ Харьковъ. Чувствуя, что въ моемъ образованіи многое было упущено и желая дополнить его, я принялся прилежно слушать лекціи Лувина, иногда же посѣщалъ лекціи Валицкаго. Исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только приняться искать—и вѣрно найдется многое, что до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа; а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ его малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 года, великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизусть сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа. Когда же я прочелъ «Запорожскую Старину» Срезневскаго и вайвово вѣрилъ какъ подлинности помѣщенныхъ тамъ пѣснопѣній, подъ именемъ народныхъ, такъ и историческимъ объясненіямъ издатели этой книги, то книга эта ввела меня въ заблужденіе. Впрочемъ, не меня одного она соблазнила: многіе знатоки и любители народной поэзіи вѣрили въ то, что въ ней выдавалось за народное произведеніе и за историческую истину. При посредствѣ Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, съ которымъ сошелся, еще живучи у Артемовскаго-Гулака, гдѣ онъ

жилъ въ качествѣ домашняго учителя, я познакомился съ издателемъ «Запорожской Старины», Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, тогда уже получившимъ должность адъюнктъ-профессора по статистикѣ въ университетѣ. Знакомство это возымѣло надолго сильное на меня вліяніе. Измаиль Ивановичъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей. И. И. Срезневскій жилъ тогда за Лопанью, въ домѣ Юнкфера, вмѣстѣ съ матерью, женщиною очень развитою, доброю, гостепріимною и хорошею музыкантшею. Хотя спеціальностью его была статистика, но онъ не чуждался изящной литературы и поэзіи, питалъ особенную любовь къ словянскимъ языкамъ и литературамъ, любилъ также малорусскую народность, съ которою имѣлъ случай близко познакомиться, находившись передъ тѣмъ учителемъ у одного помѣщика екатеринославской губерніи, Подольскаго, недалеко отъ днѣпровскихъ пороговъ. Вообще сближеніе мое съ этимъ человѣкомъ сильно содѣйствовало моему стремленію къ изученію малорусской народности. Въ это время отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ я перешелъ къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало. До тѣхъ поръ я не читалъ ни одной малорусской книги, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которую еще въ дѣтствѣ, при отцѣ, вздумалъ было читать, но, мало понимая, бросилъ ее. Теперь, вооружившись новыми взглядами, я досталъ повѣсти Квитки, изданныя въ то время подъ псевдонимомъ Грицька Осовьяненка. Мое знаніе малорусскаго языка было до того слабо, что я не могъ понять «Солдатскаго Портрета», и очень досадовалъ, что не было словаря; за неимѣніемъ послѣдняго, служилъ мнѣ мой слуга, уроженецъ нашей слободы по имени Оома Голубченко, молодой парень лѣтъ шестнадцати. Кромѣ того, гдѣ только я встрѣчался съ коротко-знакомыми малороссами, то безъ церемоніи осаждалъ ихъ вопросами: что значитъ такое-то слово, или такой-то оборотъ рѣчи. Въ короткое время я перечиталъ все, что только было печатнаго по малорусски, но этого мнѣ казалось мало; я хотѣлъ поближе познакомиться съ самымъ народомъ не изъ книгъ, но изъ живой рѣчи, изъ живого обращенія съ нимъ. Съ этой цѣлью я началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами. Я слушалъ рѣчь и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, спрашивалъ о народномъ житѣй-бытѣй, записывалъ со-

общаемыя мнѣ извѣстія и заставлялъ себѣ пѣть пѣсни. На все это я не жалѣлъ денегъ, и если не давалъ ихъ прямо въ руки, то кормилъ и поилъ своихъ собесѣдниковъ.—Зимою съѣздила я изъ Харькова въ Полтаву, осмотрѣлъ городъ и посѣтилъ его окрестности. Тогда же обозрѣлъ я поле сраженія со шведами, сходилъ на шведскую могилу, гдѣ стоялъ крестъ, съ написанными на немъ словами, произнесенными Петромъ Великимъ въ день Полтавской битвы: «а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, слава, честь и благосостояніе ваше». Прямо противъ могилы находился шинокъ, содержимый евреемъ. Заѣхавши туда, встрѣтилъ я старика, служившаго нѣкогда, какъ онъ говорилъ, въ ополченіи 1812 года. Этотъ старикъ повелъ меня къ огромному дубу, подъ которымъ, по преданію, отдыхалъ Петръ послѣ Полтавской битвы. Оттуда проѣхалъ я въ Диканку, имѣніе Кочубея. Меня влекло туда то обстоятельство, что въ то время я началъ писать драму, которой сюжетъ составляла извѣстная исторія Матрены Кочубей. Въ Диканкѣ священникъ показалъ мнѣ рубашку съ кровавыми пятнами, снятую съ тѣла Василя Леонтьевича Кочубея въ день его мученической смерти. Эту вещь хранили потомки какъ святыню, но никакихъ преданій, относящихся къ трагическому событію, тогда меня занимавшему, я не услышалъ. Въ Диканкѣ случилось со мною происшествіе, характерное какъ черта народныхъ пріемовъ малороссовъ. Я пріѣхалъ въ село поздно и нигдѣ не могъ допроситься ночлега; между тѣмъ, морозъ былъ жестокий, приходилось замерзать на улицѣ, и я обратился къ сельскому начальству съ просьбою доставить мнѣ какой-нибудь пріютъ. Сельскій старшина отвелъ мнѣ помѣщеніе въ хатѣ одного крестьянина, но меня упорно не хотѣли пускать и только при настояннн начальства должны были пустить. Хозяинъ, лежа на печи, ворчалъ; хозяйка смотрѣла на меня исподлобья и ни за что не хотѣла разложить огня и сварить мнѣ яицъ; но, расположившись противъ ихъ воли въ ихъ хатѣ, я пытался разговориться съ непривѣтливымъ хозяиномъ, и это мнѣ удалось не иначе какъ послѣ долгаго упрямства съ его стороны. Мало-по-малу онъ разговорился и дѣло кончилось тѣмъ, что мы съ нимъ подружились и сама суровая хозяйка стала радушною, гостепріимною. Уже было около полуночи и сами хозяева предложили развести огонь и сварить мнѣ варениковъ. Вдобавокъ у хозяина нашлась водка; мы съ нимъ выпили и закусили, а на другой день хозяева стали ко мнѣ еще услужливѣе и при выѣздѣ изъ села прощались дружески и просили не забывать ихъ, если мнѣ случится быть въ Диканкѣ.

О прошедшей исторіи Малороссіи я имѣлъ свѣденія преимуще-

прислано по Баттиссу-Баренцелу. Не смотря на малое знакомство мое с мажорским русским и норвежским, я задумал писать по-мажорски и начать составлять стихи, которые впоследствии увидим во печати подъ вымышленн. «Ураломскимъ балладъ». Быстро я пробовалъ читать мои произведенія нѣкоторымъ мажорцамъ. Овѣнныя свои похвалили, то иступать очень непріятельскія отзывы; одинъ събѣвши захъ много возмущеніемъ и указывало мнѣ промѣны, другіе подвѣдали за себя самую идею писать по-мажорскому языку. Забѣхтелова, что Амвросій Лукьяновичъ Мещеряковъ, который самъ впоследствии писалъ и печаталъ по-мажорски, былъ въ числѣ противниковъ моихъ идей о мажорскомъ писательствѣ. Я не поддавался ничему и напрямую тверденіе болѣе и болѣе озадачивало меня.

Въ февралѣ 1838 года я привлекъ къ себѣ драматическое произ-
веденіе и въ теченіе трехъ недѣль отворилъ «Сказъ Чалого»,
выполни содержаніе изъ простѣнкой народной пѣсни, но сдѣлать бо-
льше историческую ошибку, произвольно отнесши событіе, проис-
шавшее въ той пѣснѣ, къ первой половинѣ XVII вѣка, тогда
какъ оно относится къ первой половинѣ XVIII-го. Когда я про-
челъ своему «Сказъ Чалого» Н. Н. Срезневскому въ присутствіи
нѣсколькихъ знакомыхъ лицъ, онъ очень похвалилъ мое
произведеніе, а другіе выходя изъ себя разные промахи.

Вольно мысля, не печатаю своих малоуспешных произведений, недавно весной 1886 года, я отправился в Москву вместе с Метлинским, получившим таким-то санкционирован по должности библиотекаря, потому что занимался в харьковском университете. Пребывание мое в Москве продолжалось несколько месяцев. Я слушал университетские лекции тамошних профессоров и видел нарисован на досках изданный на стене министра русской словесности, но не помню ни одной книги за будущее время, за исключением того отправился вместе с Метлинским в воронежскую губернию, пробыл недолго там у Калера, потом, проводивши от себя Метлинского, остался во вольно и с жаром принялся читать немецкому языку, за который уважал себя малоуспешно. Я занимался очень прилежно все лето, выучил весь грамматический и целый словарь, так что мог утешить себя, раскрывши на дому книгу и выбирая там-то немецкие слова, употребившись в словарь. Забывавшиеся только приобретением, я стал читать Гете и за продолжение дати несколько прочел его всего за харьковское издание в 8 в два столба. То же сделал и с сочинениями Шопена.

Меню для быстрого поиска: [Главная](#) [О нас](#) [Контакты](#) [Услуги](#) [Политика конфиденциальности](#)

ковъ и принялся печатать своего «Саву Чалаго». Печатаніе протянулось почти всю зиму, а я въ это время учился по-польски у одного студента и по-чешски — самоучкой, причемъ тогда же перевелъ малорусскими стихами старо-чешскія стихотворенія, извѣстныя тогда подъ именемъ Краледворской рукописи.

За «Савой Чалымъ» я отдалъ въ печать и свои стихотворенія, давши имъ общее названіе украинскихъ балладъ, названіе, неполнѣе подходившее къ содержанію всѣхъ помѣщенныхъ тамъ стихотвореній. Обѣ книги, послѣ всѣхъ цензурныхъ мытарствъ, явились въ свѣтъ весною 1839 года. Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня; мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и сверхъ того подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію. Я повсюду слышалъ грубыя выходки и насмѣшки надъ хохлами не только отъ великоруссовъ, но даже и отъ малоруссовъ высшаго класса, считавшихъ дозволеннымъ глумиться надъ мужикомъ и его способомъ выраженія. Такое отношеніе къ народу и его рѣчи мнѣ казалось униженіемъ человѣческаго достоинства, и чѣмъ чаще встрѣчалъ я подобныя выходки, тѣмъ сильнѣе пристращался къ малорусской народности. Ъздя изъ Харькова въ свое имѣніе и обратно въ Харьковъ, я по дорогѣ завелъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ знакомыхъ поселянъ, къ которымъ заѣзжалъ и при ихъ помощи сходилъ съ народомъ. При этомъ я записывалъ множество пѣсенъ и разныхъ свѣдѣній о народныхъ обрядахъ и обычаяхъ.

Лѣтомъ 1839 года начался со мною рядъ несчастій, значительно подорвавшихъ мое здоровье. Вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ и нѣсколькими знакомыми изъ бывшихъ моихъ товарищей и молодыхъ профессоровъ, я былъ въ женскомъ монастырѣ Хорошевѣ, въ 18 верстахъ отъ Харькова, окруженномъ красивою рощею. Мы пробыли тамъ двое сутокъ и лунныя ночи проводили на воздухѣ; вслѣдствіе этого я схватилъ горловую болѣзнь и, возвратившись въ Харьковъ, обратился къ неизвѣстному мнѣ медику, жившему въ одномъ дворѣ со мною. До тѣхъ поръ въ Харьковѣ я никогда не болѣлъ и потому не запасся постояннымъ врачомъ; тотъ же, которому я себя ввѣрилъ, былъ отъявленный шарлатанъ и осмотрѣвши меня, нашелъ во мнѣ какія-то ужасныя болѣзни, страшно напугалъ меня и началъ пичкать лекарствами, приказавши мнѣ сидѣть дома на строжайшей діетѣ. Черезъ четыре дня зашелъ ко мнѣ случайно одинъ молодой докторъ, преподававшій въ университетѣ и увидя, что я сижу въ духотѣ, сталъ спрашивать, а когда я ему сообщилъ то, что мнѣ наговорилъ мой эскулапъ, онъ расхохотался, увѣрилъ меня, что я дѣлаюсь пред-

метомъ эксплуатаціи для шарлатана и убѣдиль бросить всѣ лекарства, покинуть назначенную мнѣ строгую діету и вмѣстѣ съ нимъ идти гулять въ садъ. Я послушался, пошелъ въ садъ, а оттуда, желая болѣе разсѣять меня отъ внушенныхъ страховъ, онъ пригласилъ меня въ ресторацію, гдѣ мы вмѣстѣ поужинали и выпили вина. На другой день мой эскулапъ, узнавши объ этомъ, сказалъ мнѣ: «ну, теперь вы пропали; черезъ мѣсяцъ увидите что съ вами будетъ!» Это запало мнѣ въ воображеніе.

Со мною долго не было ничего дурного и я отправился въ свое имѣніе; но какъ только кончился мѣсяцъ и наступилъ роковой срокъ, назначенный эскулапомъ, такъ мнѣ начали представляться самые возмутительные болѣзненные признаки. Я обратился къ одному полковому врачу, который мнѣ сказалъ то же, что и харьковскій профессоръ. Недовольный этимъ, я прибѣгнулъ къ совѣту другого врача—и тотъ сказалъ мнѣ то же. Я обратился къ третьему, который нашелъ у меня такія же болѣзни, какъ и харьковскій эскулапъ. Тутъ уже ничто не могло побѣдить моей мнительности; я поторопился въ Харьковъ, началъ обращаться то къ одному, то къ другому изъ медицинскихъ профессоровъ, наконецъ одинъ изъ нихъ принялся лечить меня и поручилъ наблюдать за мною какому-то студенту изъ евреевъ. Попринимавши пилули съ мѣсяцъ, я узналъ, что мнѣ не давали лекарствъ, а считая болѣзнь мою плодомъ воображенія, пичкали совершенно невинными средствами. Мнительность опять одолѣла меня. Я еще разъ обратился къ новому врачу, который уже началъ меня лечить дѣйствительно. Отъ его леченія не произошло ничего. Мнѣ все казалось, что я боленъ. Весною 1840 года, готовясь къ экзамену на степень магистра, я обратился еще къ одному медику, который закатилъ мнѣ такую кладъ, что послѣ нея у меня сдѣлались частыя головныя боли. Наконецъ я пересталъ лечиться, испытавши, что ничто не помогаетъ тѣмъ недугамъ, которые мнѣ тогда представлялись.

Все лѣто 1840 года я провелъ въ Харьковѣ, занимаясь исторіей, съ цѣлью держать экзаменъ на степень магистра, сидѣлъ буквально дни и ночи и наконецъ подалъ прошеніе о допущеніи меня къ экзамену, и въ то же время печатался новый сборникъ моихъ украинскихъ стихотвореній подъ названіемъ «Вѣтка». Меня позвали въ засѣданіе 24 ноября. Профессоръ Лунинъ экзаменовалъ меня изъ всеобщей исторіи очень строго; испытаніе продолжалось часъ и три четверти; я выдержалъ счастливо. Затѣмъ Артемовскій-Гулакъ экзаменовалъ меня изъ русской исторіи до такой степени поверхностно, что я могъ бы, не прочитавши ни одной книги, отвѣчать на его вопросы. Черезъ десять дней позвали меня снова

на экзаменъ изъ прибавочныхъ предметовъ: политической экономіи и статистики. Изъ первой экзаменовалъ меня Сокальскій, изъ второй—мой товарищъ по студентству Рославскій. Изъ обоихъ предметовъ я отвѣчалъ удовлетворительно. За экзаменомъ слѣдовало письменное испытаніе; меня заставили во время засѣданія совѣта въ университетскомъ залѣ сочинить два разсужденія на заданныя темы, одно по всеобщей, другое по русской исторіи. Во время писанія я случайно былъ свидѣтелемъ чрезвычайно скандальной сцены. Въ засѣданіи совѣта профессоръ Лунинъ сцѣпился съ Артемовскимъ-Гулакомъ и наговорилъ ему такихъ рѣзкихъ, обличительныхъ замѣчаній, что мнѣ показалось страннымъ, какъ Артемовскій-Гулакъ могъ отбиваться отъ него своею обычною, высокопарною риторикою. Наконецъ, замѣтивши мое присутствіе и находя неумѣстнымъ допускать посторонняго свидѣтеля такимъ семейнымъ сценамъ въ ученомъ сословіи, мнѣ велѣли уйти въ другую комнату. Мои письменные отвѣты были признаны удовлетворительными и мнѣ дозволили писать и представить диссертацию на избранную мною самимъ тему. Я избралъ о значеніи уніи въ исторіи западной Руси и весною 1841 года подалъ написанную диссертацию въ факультетъ. Отдавши свое сочиненіе на разсмотрѣніе, я отправился въ Крымъ для морского купанья, такъ какъ, по совѣту врачей, недавніе избыточные приемы лекарствъ и усиленная головная работа, по приготовленію къ магистерскому экзамену, требовали поправленія моего здоровья.

Я купался въ Феодосіи, гдѣ испыталъ ужаснѣйшую скуку, тѣмъ болѣе, что въ то время я не могъ найти удобнаго помѣщенія въ городѣ и жилъ въ очень плохой гостинницѣ. Протерпѣвши четыре недѣли, я отправился на южный берегъ верхомъ съ проводникомъ татаринкомъ, имѣлъ намѣреніе объѣхать весь берегъ до самаго Севастополя, но доѣхавши до Ялты, утомился и поворотилъ назадъ къ Алушѣ; оттуда ѣздилъ на вершину Чатырдага и, спустившись съ горы, проѣхалъ въ Симферополь, посѣтивши, по указанію моего проводника, источникъ Салгира.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я высокія горы и морскіе берега. Восхожденіе на Чатырдагъ оставило на мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. На вершинѣ горы представился мнѣ поразительный видъ горныхъ вершинъ Яйлы и безбрежной синевы Чернаго моря. Несмотря на то, что день былъ ясный и очень знойный, на вершинѣ Чатырдага меня пробиралъ такой холодный вѣтеръ, что впору было надѣвать теплое платьѣ. Пробывши тамъ нѣсколько часовъ, я сталъ спускаться уже при солнечномъ закатѣ и когда былъ на половинѣ спуска съ горы, небо уже темнѣло. Спускаться

съ Чатырдага для непривычнаго человѣка кажется очень страшно: склона горы невидно сверху внизъ и безпрестанно кажется какъ будто летишь въ пропасть. Потерявши изъ вида своего проводника, я до того пришелъ въ страхъ, что соскочилъ съ лошади и намѣревался сходить пѣшкомъ; лошадь карабкалась по каменной почвѣ такими неровными шагами, что казалось—вотъ упадетъ и я съ нее полечу внизъ; но мой татаринъ, завидя, что со мною дѣлается, подѣхалъ ко мнѣ, помогъ снова сѣсть на лошадь и успокоилъ меня увѣряя, что крымскія лошади привыкли, какъ кошки, лазить по горамъ и никогда не сбросятъ сѣдока. Въ темнотѣ съѣзжать было безстрашнѣе, потому что глазъ не видѣлъ предъ собою мнимой пропасти. Съѣхавши съ крутизны, приходилось пробираться лѣсомъ, и тутъ новое неудобство: древесныя вѣтви больно стегали меня по лицу. Дорога, ведущая отъ Чатырдага къ Симферополю, пробирается посреди высокихъ горъ, затѣйливо поросшихъ кустарниками и деревьями. На дорогѣ встрѣчались фонтаны, устроенные благочестивыми мусульманами, такъ какъ вообще, по мусульманской вѣрѣ, постройка фонтана на дорогѣ считается богоугоднымъ дѣломъ. Изъ Симферополя я съѣздилъ въ Бахчисарай, обозрѣлъ тамошній дворецъ, который тогда содержался бережно и красиво; комнаты были меблированы въ восточномъ вкусѣ; меня въ особенности плѣнилъ огромный залъ съ тремя фонтанами, изъ которыхъ одинъ былъ знаменитый фонтанъ слезъ, воспѣтый Пушкинымъ. Рядомъ съ этимъ заломъ—павильонъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ съ большимъ фонтаномъ посрединѣ, а изъ павильона—выходъ къ каменному бассейну, куда текла чрезвычайно холодная вода изъ двухъ фонтановъ, устроенныхъ одинъ противъ другого на противоположныхъ краяхъ бассейна. Вся стѣна около этого бассейна покрыта вьющимся виноградомъ, а по берегу бассейна посажены мирты. Я съ удовольствіемъ выкупался въ этомъ бассейнѣ, бывшемъ нѣкогда ханскою купальнею. Въ Бахчисараѣ я познакомился съ однимъ грекомъ, занимавшимъ должность учителя и смотрителя въ уѣздномъ училищѣ, и вмѣстѣ съ нимъ совершилъ путешествіе верхомъ въ Чуфуть-Кале. Двухдневное пребываніе въ Бахчисараѣ оставило слѣды въ моей литературной дѣятельности: я написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, изъ которыхъ два: «До Марьи Потоцкой» и «Аглаз-Чесме» напечатаны были (?) въ «Молодикѣ» Бецкаго.

Воротившись снова въ Симферополь, я поѣхалъ оттуда въ Керчь. Здѣсь я съ любопытствомъ осматривалъ воспорскія могилы и музей, въ которомъ въ то время хранилось множество древностей, впоследствии пересланныхъ въ императорскій Эрмитажъ. Керченскія

могилы и найденные въ нихъ остатки сильно заняли мое воображеніе: я написалъ по-малорусски стихотвореніе, напечатанное въ послѣдствіи въ «Молодикъ» Бецкаго ¹⁾. Я изобразилъ блуждающую тѣнь одного изъ воспорскихъ царей, котораго прахъ выбросили изъ могилы древлеискатели, и тѣнь не находитъ себѣ покоя, что представлено сообразно извѣстному антическому вѣрованію о безпокойномъ блужданіи умершихъ, лишенныхъ погребенія. Случайно познакомившись въ Керчи съ тамошними обывателями, я услыхалъ возмутительныя вещи о злоупотребленіяхъ, совершавшихся при раскопкѣ керченскихъ кургановъ. Такъ, напримѣръ, рассказывали, что, раскопавши «золотой курганъ», но не выбравши изъ него всѣхъ вещей, оставили на ночь безъ караула, и толпа жителей, провѣдавши это, бросилась туда и разграбила сокровища, которыхъ не успѣли прежде вынести археологи. Говорили, что послѣ іудеи продавали обломки украшеній, куски разрубленнаго золотого царскаго скипетра и множество золотыхъ монетъ. Кромѣ того, о самыхъ археологахъ, раскапавывшихъ курганы, ходили неодобрительные отзывы. Говорили, будто бы они утаивали найденныя въ курганахъ драгоценности и тайно продавали ихъ англичанамъ.

Изъ Керчи я поплылъ пароходомъ до Таганрога, гдѣ оставались мои лошади, и поѣхалъ сухопутьемъ въ свое имѣніе, изъ котораго скоро опять выѣхалъ въ Харьковъ. По приѣздѣ въ Харьковъ я узналъ, что моя диссертациа утверждена факультетомъ, но не всѣми ея членами. Ее не нашли достойною Артемовскій-Гулакъ и профессоръ Протопоповъ. Первый изъ нихъ находилъ, что самое заглавіе ея, по близости къ современнымъ событіямъ, не должно служить предметомъ для ученой диссертации; но какъ большинство членовъ утвердило ее, то она была признана, и я началъ ее печатать. Въ это время я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, также какъ и я преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы; это были: Корсунъ, молодой человѣкъ, воспитанникъ харьковскаго университета, родомъ изъ Таганрога, сынъ довольно зажиточнаго помѣщика;—Петренко, бѣдный студентъ, уроженецъ изюмскаго уѣзда, молодой человѣкъ меланхолическаго характера, въ своихъ стихахъ всегда почти обращавшійся къ мѣсту своей родины, къ своимъ семейнымъ отношеніямъ; Щоголевъ, студентъ университета, молодой человѣкъ съ большимъ поэтическимъ талантомъ, къ сожалѣнію рано испарившимся; его живое воображеніе чаще всего

¹⁾ Пантикапей.

уносилось въ старую козацкую жизнь; Кореницкій, сельскій дьяконъ: въ его стихотворной поэмѣ «Вечерниці» замѣтна сильная склонность къ сатирѣ и вліяніе «Энеиды» Котляревскаго; самое его произведеніе написано тѣмъ же размѣромъ и складомъ, какъ «Энеида»; — наконецъ семинаристъ Писаревскій, сынъ священника, уже писавшаго по-малорусски и издаващаго драму «Купала на Ивана»: этотъ молодой человѣкъ владѣлъ хорошо языкомъ, стихъ его былъ правиленъ и звученъ, но большого творческаго таланта онъ не показывалъ. Корсунъ затѣялъ изданіе малорусскаго сборника («Снипъ») и наполнилъ его стихами, какъ собственными, такъ и своихъ сотрудниковъ; самому издателю принадлежали стихотворные рассказы, взятые изъ народнаго вымысла о хожденіи Христа съ апостоломъ Петромъ по свѣту и о разныхъ приключеніяхъ, происходившихъ съ ними; рассказы переданы вѣрно, но цензура не дозволила печатать именъ Христа и апостола Петра, и Корсунъ долженъ былъ замѣнить ихъ именами «Билбога и Юрка». Я помѣстилъ тамъ переводъ нѣсколькихъ еврейскихъ мелодій Байрона и трагедію «Переяславська ничь», написанную пятистопнымъ ямбомъ безъ рима, не разбивая на дѣйствія, со введеніемъ хора, что придавало ей видъ подражанія древней греческой трагедіи. Сюжетъ трагедіи взятъ изъ эпохи Хмельницкаго при самомъ началѣ его возстанія, но мнѣ значительно повредило довѣріе, оказанное такимъ мутнымъ источникамъ, какъ «Исторія Руссовъ» Конисскаго и «Запорожская Старина» Срезневскаго; кромѣ того я уклонился отъ строгой сообразности съ условіями вѣка, который взялся изображать и впалъ въ напыщенность и идеальность, развивши въ себѣ послѣднюю подъ вліяніемъ Шиллера. Вслѣдъ затѣмъ явился другой дѣятель по части возрождающейся малорусской словесности: то былъ нѣкто Бецкій, пріѣхавшій въ Харьковъ изъ Москвы. Онъ началъ готовить сборникъ, который предполагалъ наполнить статьями, писанными по-малорусски, или относящимися къ Малороссіи. По-знакомившись со мною, онъ заявилъ доброе желаніе собрать воедино разбѣянные силы духовныхъ дѣятелей и направить ихъ къ тому, что имѣло бы мѣстный этнографическій и историческій интересъ. Я обрадовался такому появленію, видя въ этомъ зарю того литературнаго возрожденія, которое давно уже стало моею любимою мечтою. Въ это время я познакомился, съ Григоріемъ Оедоровичемъ Квиткою и сталъ довольно часто ѣздить къ нему въ село Основу, вблизи Харькова, гдѣ онъ жилъ въ имѣніи своего брата сенатора, занимая небольшой домикъ, стоявшій отдѣльно отъ господскихъ построекъ. Я очень полюбилъ этого старика, ис-

креннимъ сердцемъ любившаго свою народность; равнымъ образомъ его жена сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе: она не была уроженкой Малороссіи, но отзывалась не иначе какъ съ большою любовью обо всемъ малорусскомъ. Иногда я ѣздилъ къ нему съ Бецкимъ, иногда съ Корсуномъ. То было время самого большого развитія таланта Квитки, поступившаго въ малорусскіе писатели уже около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія. Кромѣ повѣстей, изданныхъ въ двухъ частяхъ, онъ готовилъ къ печати третью часть, гдѣ, какъ и въ первыхъ двухъ, предполагалось помѣстить три повѣсти. Одна изъ этихъ предполагаемыхъ повѣстей «Сердешна Оксання» явилась въ альманахѣ «Ластивка» напечатанная Гребенкою въ Петербургѣ; другая—«Покоти-поле» отдана была Бецкому, и третья—«Вожжи Дити», напечатана въ переводѣ въ «Современникѣ», а по-малоруски никогда не выходила. Кромѣ того у Квитки была въ то время въ рукописи большая повѣсть «Щира Любовь», изъ которой онъ составилъ драматическое произведеніе, игранное на харьковскомъ театрѣ и напечатанное въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Квитки. Была у него шуточная комедія подъ названіемъ «Вой-жинка», которой содержаніе взято имъ изъ народной сказки и состоитъ въ томъ, что жена дурачить и проводить ревниваго и глуповатаго мужа. Пьеса эта, какъ и «Щира Любовь», игралась когда-то на харьковскомъ театрѣ, но большого успѣха не имѣла.

Независимо отъ этого круга украинскихъ дѣятелей, я имѣлъ кругъ другихъ близкихъ знакомыхъ. И. И. Срезневскаго долго не было въ Харьковѣ; онъ былъ за-границею, куда отправился для изученія словянскихъ языковъ; изъ другихъ близкихъ со мною личностей, принадлежавшихъ къ университетскому кругу, я вспомню профессора Александра Петровича Рославскаго-Петровскаго, съ которымъ я проживалъ нѣсколько лѣтъ на одной квартирѣ и держалъ съ нимъ общій столъ. Въ то время онъ читалъ статистику, уже послѣ моего отъѣзда изъ Харькова взялся за исторію, былъ нѣсколько времени ректоромъ и скончался не въ очень старыхъ лѣтахъ. Это былъ человѣкъ съ большою начитанностью, огромною памятью, но лѣнивый, разсѣянный и преданный карточной игрѣ, за-то очень добросовѣстный и правдивый. А. Л. Метлинскій читалъ въ то время русскую словесность; онъ былъ очень трудолюбивъ, но не талантливъ и притомъ болѣзненъ, страдалъ грудью и говорилъ тихо и вяло. Какъ профессоръ онъ не пользовался большимъ уваженіемъ. Прежде постоянно спорившій со мною противу моихъ идей объ украинской литературѣ, онъ, наконецъ, поддався той же идеѣ, сталъ писать малорусскіе

стихи и напечаталъ ихъ подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, назвавши свой сборникъ: «Думки и писни, та еще де що». Стихи его казались хорошими, плавными, но творческаго таланта за нимъ не признавали. Къ такимъ же близкимъ знакомымъ надобно причислить Поликарпа Васильевича Тихоновича, бывшаго тогда учителемъ латинскаго языка въ первой гимназіи, человѣка трудолюбиваго, отлично знающаго какъ латинскую, такъ и греческую словесность и превосходнаго педагога. Послѣдній, хотя былъ со мною постоянно друженъ, но оставался совершенно холоденъ къ украинской народности и, занятый своимъ антическимъ міромъ, какъ будто ни во чтѣ не ставилъ все современное. Это былъ классикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ въ университетѣ и въ настоящее время занимаетъ должность директора той гимназіи, въ которой началъ свое учительство.

Въ 1842 году, въ то время, какъ я готовилъ кое-что для Бецкаго въ предполагаемый сборникъ, печаталась моя диссертация и на шестой недѣлѣ поста, назначено было ея защищеніе. Въ это же время перевели куда-то харьковскаго архіепископа Смарагда, и вмѣсто него прибылъ въ Харьковъ архіееремъ знаменитый духовный ораторъ Иннокентій Борисовъ. Ко мнѣ прѣзжаетъ деканъ историко-филологическаго факультета Валицкій и сообщаетъ что Иннокентій, узнавши о моей диссертации, выразилъ какое-то неудовольствіе и неодобреніе; затѣмъ Валицкій совѣтуетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ архіерею, поднести ему экземпляръ моей диссертации и въ разговорѣ провѣдать, въ чемъ состоитъ его недовольство. Мы поѣхали. Иннокентій сказалъ, что уже читалъ ее и замѣтилъ нѣсколько мѣстъ, о которыхъ можетъ сказать, что лучше было бы, еслибы ихъ не было. На одно мѣсто указалъ онъ, гдѣ о спорѣ константинопольскаго патріарха съ папою было сказано, что властолюбіе іерарховъ посѣяло вражду и раздвоеніе въ миролюбивой церкви Христовой. Это показалось архіерею несправедливымъ; о папѣ можно такъ говорить, но о патріархѣ не слѣдуетъ. Въ другомъ мѣстѣ его непріятно задѣло то, что я напомнилъ о безнравственности духовенства въ западной Руси предъ уніей, о тяжелыхъ поборахъ, которые бралъ съ русскихъ константинопольскій патріархъ; наконецъ не понравилось ему и то, что я выразился, что унія принесла отрицательную пользу православію именно потому, что возбудила противъ себя оппозицію, которая произвела Петра Могилу и всю его преобразовательную реформу. Я началъ доказывать историческую справедливость моихъ мнѣній, а Валицкій спросилъ Иннокентія, какъ

понимать его возраженія, въ цензурномъ или же только въ ученomъ смыслѣ. Иннокентій сказалъ, что единственно въ ученomъ, а никакъ не въ цензурномъ. Тогда, отвѣчалъ Валицкій, дефенденту предоставляется защищать свои положенія на кафедрѣ во время защиты. Тѣмъ и кончилось первое свиданіе. Иннокентій, увидѣвши меня потомъ въ церкви, пригласилъ меня къ себѣ и началъ толковать снова, совѣтуя мнѣ послѣ защищенія диссертациі ѣхать въ Петербургъ и посвятить свои труды на болѣе дѣльную и ученую разработку вопроса объ униі. Я сказалъ, что намѣренъ заниматься другимъ, но съ той поры сталъ бывать у архіерея, который вообще былъ человѣкъ разносторонне образованный и очень пріятный въ бесѣдѣ, не говоря уже о его проповѣднической дѣятельности, которая, съ его пріѣзда, вдругъ ожила Харьковѣ. Толпы публики всякаго званія и воспитанія стекались въ церковь къ его служенію и я также не упускалъ случая слушать его проповѣди, произносимыя съ признаками большого таланта.

Между тѣмъ наступалъ день защищенія моей диссертациі. Наканунѣ этого дня является прибитое къ стѣнамъ университета объявленіе, въ которомъ говорится, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ защищеніе диссертациі Костомарова отлагается на неопредѣленное время. Деканъ факультета, на мой вопросъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, будто Иннокентій написалъ какую-то бумагу помощнику попечителя, въ которой предлагаетъ остановить мое защищеніе до сношенія съ министромъ. Такъ какъ тогдашній попечитель графъ Головкинъ былъ очень старъ и не занимался дѣлами, то все управленіе дѣлами округа находилось въ рукахъ его помощника князя Цертелева. Я отправился къ нему и узналъ, что дѣйствительно Иннокентій сдѣлалъ такое заявленіе. Я обратился къ Иннокентію. Архіерей сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ противъ меня ничего въ цензурномъ отношеніи, а только готовится оспаривать меня ученымъ образомъ. Я видѣлъ въ словахъ архіерея скрытность. Прошло между тѣмъ болѣе мѣсяца; меня извѣстили, что министръ народнаго просвѣщенія, которымъ былъ тогда графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, прислалъ написанный профессоромъ Устряловымъ разборъ моей диссертациі и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ уничтожить всѣ экземпляры, которые были напечатаны, а мнѣ позволить писать иную диссертацию. Такъ какъ кромѣ профессоровъ и короткихъ знакомыхъ, я не успѣлъ ее пустить въ публичную продажу, то мнѣ поручили самому объѣздить всѣхъ тѣхъ, у кого находилась или могла найтись моя диссертациа, отобрать всѣ экземпляры и представить въ совѣтъ

университета для сожженія. Все это я сдѣлалъ; но большая часть профессоровъ, къ которымъ я ѣздилъ, отговорились неимѣніемъ у себя экземпляровъ подъ разными предлогами и вмѣсто ста экземпляровъ, которые были розданы, мнѣ удалось возвратить въ правленіе менѣе двадцати. Всѣ возвращенные были преданы огню. Я былъ въ полной увѣренности, что все это дѣло [Иннокентія и въ такой увѣренности оставался очень долго; въ Петербургѣ же въ шестидесятыхъ годахъ мнѣ говорили занимавшіеся архивными дѣлами въ министерствѣ Уварова, что не Иннокентій былъ причиною сожженія моей диссертациі, а одинъ изъ харьковскихъ профессоровъ, пославшій на меня извѣтъ министру. Однако изъ біографіи Иннокентія, напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1878 года, оказывается главное участіе преосвященнаго Иннокентія въ тогдашнемъ задержаніи моей диссертациі. Будучи въ то время убѣжденнымъ въ виновности Иннокентія, я однако не прекратилъ съ нимъ знакомства; онъ говорилъ мнѣ, что ни мало не причастенъ въ этомъ дѣлѣ, былъ со мною постоянно ласковъ и приглашалъ къ себѣ. Такъ было до моего выѣзда изъ Харькова.

Мнѣ позволили писать новую диссертацию и я выбралъ тему: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Предметъ этотъ былъ давно уже близокъ моему сердцу; уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно. Теперь-то я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способомъ выраженія мыслей и чувствованій. Я подалъ свою тему въ факультетъ и тотчасъ встрѣтилъ неодобрительныя отношенія къ ней нѣкоторыхъ лицъ. Профессоръ философіи Протопоповъ первый не одобрилъ ее и находилъ, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, униженъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью приобрѣтеніе ученой степени; но всего страннѣе покажется, что противъ этой темы былъ и Артемовскій-Гулакъ, несмотря на то, что по правдѣ считался лучшимъ знатокомъ малорусской народности, какъ это и доказывали его собственныя малорусскія сочиненія. Онъ писалъ ихъ еще въ молодости, въ концѣ 20-хъ годовъ, а потомъ совершенно оставилъ этотъ родъ занятій до глубокой старости, когда опять написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, но уже съ меньшими признаками таланта. Однимъ изъ превосходнѣйшихъ его малорусскихъ произведеній была басня «Панъ та собака», явно обличавшая темныя стороны тогдашняго крѣпостного права. По поводу этого сочиненія, кто-то, желая подсмѣяться надъ нимъ,

какъ бы въ пародію того, что говорилось нѣкогда о Херасковѣ по поводу его поэмъ, написалъ такое четверостишіе:

Пускай въ Зонлѣ сердце поеть,
Но Гулаку оно вреда не нанесетъ,
Рябко его хвостомъ покроетъ
И въ храмъ безсмертія введетъ“.

Написанное въ насмѣшку, мимо желанія автора насмѣшки, сдѣлалось лучшею оцѣнкою и похвалою поэтического таланта Гулака-Артемовскаго. Старавшись цѣлый вѣкъ играть какую-нибудь роль, какъ профессоръ русской исторіи, какъ ректоръ университета и какъ попечитель двухъ женскихъ институтовъ — онъ не достигъ своей цѣли: онъ не приобрѣлъ ни знаменитости, ни памяти потомства на этомъ поприщѣ, но остался безсмертенъ какъ народный малорусскій поэтъ; никто не превзошелъ его въ знаніи всѣхъ изгибовъ малорусской народности и въ неподражаемомъ искусствѣ передавать ихъ поэтическими образами и превосходнымъ народнымъ языкомъ. А между тѣмъ во всю свою жизнь онъ и не подозрѣвалъ—въ чемъ дѣйствительно могъ быть онъ выше всѣхъ и приобрести знаменитость какъ литераторъ! Свои малорусскія стихотворенія писалъ онъ ради шутки и считалъ ихъ не болѣе какъ шуткою. Артемовскій-Гулакъ, какъ поэтъ и человѣкъ, былъ иное лицо, чѣмъ профессоръ. Вѣрный старымъ предразсудкамъ, онъ не понималъ, что исторія, какъ наука, обязана заниматься болѣе народною жизнью, чѣмъ внѣшними событіями. Протестъ Артемовскаго-Гулака былъ, однако, не настойчивъ и когда я подалъ свою диссертацию уже написанную, онъ былъ въ числѣ утвердившихъ ее. Профессоръ Протопоповъ, напротивъ, продолжалъ оставаться при прежнемъ взглядѣ и выразился, что считаетъ даже неприличнымъ ходить на защищеніе такой диссертациі.

Съ цѣлью увеличить средства къ жизни, которыя оказывались недостаточными отъ присылокъ изъ материнскаго имѣнія, я началъ искать себѣ службы и опредѣлился въ должность помощника инспектора студентовъ въ харьковскомъ университетѣ. Помощниковъ было пять и мнѣ приходилось не болѣе одного раза въ недѣлю ходить на дежурство въ корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ и пробывать тамъ цѣлыя сутки, отъ утра одного дня до утра другого; все остальное время я употреблялъ на писаніе своей диссертациі. Въ это время я квартировалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Рославскимъ-Петровскимъ въ домѣ Альбовской, недалеко отъ театра; но квартира моя, находясь въ нижнемъ этажѣ, оказалась сырою и нездоровою; тѣмъ не менѣе я пробылъ въ ней всю осень

и зиму. При этомъ я считаю нелишнимъ вспомнить о тогдашнемъ театрѣ въ Харьковѣ. Еще ранѣе, до 1840 года, театръ помѣщался въ деревянномъ зданіи, на длинной площади, носившей названіе Театральной. Труппу содержалъ сначала Штейнъ, а потомъ передалъ ее Млотковскому. Съ 1840 года театръ сталъ помѣщаться во вновь отстроенномъ каменномъ зданіи, на другомъ концѣ той же площади и находился подъ завѣдываніемъ дирекціи. Во все продолженіе времени пребыванія моего въ Харьковѣ я довольно часто посѣщалъ спектакли, а во время моей службы помощникомъ инспектора, даже по обязанности долженъ былъ часто бывать въ нихъ. Харьковский театръ во всѣ извѣстные мнѣ годы не лишень былъ появлявшихся на его сценѣ болѣе или менѣе даровитыхъ актеровъ и актрисъ. Между ними стоить вспомнить Млотковскую, прекрасно игравшую въ комедіяхъ и водевиляхъ, но иногда не безъ успѣха бравшуюся и за драматическія роли. Соленикъ былъ артистъ, который занималъ бы блестящее мѣсто и на столичной сценѣ и держался въ Харьковѣ единственно потому, что былъ харьковский домовладѣлецъ и вступилъ на сцену изъ любви къ искусству. Онъ былъ превосходенъ во всякихъ комическихъ роляхъ и нѣсколько напоминалъ московскаго Шумскаго, появившагося на сценѣ въ болѣе позднее время. Не лишень былъ дарованія и Домбровский, также комическій актеръ, особенно отличавшійся въ малорусскихъ роляхъ. Надобно отдать честь режиссерамъ харьковской сцены, что пьесы, назначаемыя для представленій, брались большею частію сообразно мѣстнымъ условіямъ театра; не рѣшались представлять того, что, по средствамъ театра, трудно было поставить надлежащимъ образомъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ провинціальныхъ театрахъ другихъ городовъ, гдѣ нипочемъ казалось угощать публику такими спектаклями, которые и по декорациямъ, и по музыкѣ, и наконецъ по костюмамъ и искусству артистовъ не подходили къ провинціальной сценѣ.

Весною 1843 года моя диссертация была готова и подана на факультетъ. Тогда же Вецкій выпустилъ въ свѣтъ одну за другою три книжки своего «Молодика». Первая изъ нихъ заключала въ себѣ беллетристическія сочиненія, стихотворныя и прозаическія, на русскомъ языкѣ; тамъ я не помѣстилъ ничего. Вторая вмѣщала въ себѣ исключительно сочиненія въ стихахъ и прозѣ на малорусскомъ языкѣ; здѣсь помѣстилъ я свои стихотворенія, написанныя въ Крыму, и переводъ нѣсколькихъ пьесъ изъ старочешской Краледворской рукописи. Третья, на которой означенъ былъ уже 1844 годъ, посвящена была русскимъ статьямъ, относящимся къ исторіи и этнографіи Малороссіи; здѣсь появились мои первые

историческіе опыты, касавшіеся прошедшей судьбы Малороссіи: описаніе возстанія Нанивайка и біографическій очеркъ фамилиі князей Острожскихъ.

Находя, наконецъ, для себя нездоровымъ оставаться въ сырой квартирѣ, я разстался съ Рославскимъ и нанялъ себѣ квартиру за Лопанью, въ домѣ одной священнической вдовы, недалеко церкви Благовѣщенія. Это была моя послѣдняя квартира въ Харьковѣ и самая лучшая; я занималъ двѣ свѣтлыхъ комнаты во дворѣ, засаженномъ большими деревьями, при фруктовомъ садѣ, за которымъ начинался лутъ. Это былъ конецъ города. Въ это же время я вынужденъ былъ подать въ отставку изъ должности помощника инспектора, къ которой не чувствовалъ ни способностей, ни расположенія. Задумавши жениться на гувернанткѣ въ домѣ г-жи Тизенгаузъ, я вызвалъ на дуэль моего соперника, отбившаго у меня невѣсту и затѣмъ покинувшего эту дѣвицу: понятно, что такому пылкому господину не сочли возможнымъ довѣрять наблюденіе за студентами. Я занялся преподаваніемъ исторіи въ мужскомъ пансіонѣ Зимницкаго, а между тѣмъ тогда же мнѣ явилась мысль писать исторію эпохи Богдана Хмельницкаго. Въ маѣ 1843 года я началъ работать надъ нею. Харьковъ не представлялъ богатыхъ источниковъ для такого труда, и я принужденъ былъ ограничиваться печатными польскими, русскими и латинскими сочиненіями, но уже случайно прибрѣлъ и нѣсколько рукописныхъ. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, Сементовскій, сообщилъ мнѣ Грабянкину лѣтопись въ двухъ частяхъ: первая, называвшаяся «Исторія о презѣльной брани», заключала въ себѣ повѣствованіе о войнахъ Хмельницкаго до его кончины,—вторая начиналась гетманствомъ Выговскаго и велась до 1721 года. Замѣтно было, что эти двѣ части составлены были различными лицами, да и въ лѣтописи, которая мнѣ досталась, вторая часть была писана иною рукою, чѣмъ первая. Списки принадлежали, какъ показывалъ почеркъ, къ первой половинѣ XVIII вѣка. Учитель второй гимназіи Третьяковъ, бывший мой товарищъ, удѣлялъ мнѣ другую лѣтопись, также въ спискѣ XVIII вѣка; то былъ Самовидецъ. Затѣмъ я получилъ нѣсколько рукописныхъ источниковъ отъ И. И. Срезневскаго; то были тѣ, которыя впоследствии Бодянский напечаталъ въ «Чтеніяхъ», именно: Симоновскій, Зарульскій и повѣсть «Еже содѣяся», или сказаніе о гетманахъ малорусскихъ до Богдана Хмельницкаго; наконецъ большое сочиненіе Ригельмана, которое также впоследствии появилось въ печати въ Чтеніяхъ: «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи». Въ библіотекѣ харьковскаго университета я на-

шелъ также нѣсколько рукописныхъ лѣтописей и одинъ рукописный сборникъ актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Отъ моего знакомаго Варзина я досталъ списокъ Конисскаго. Съ такимъ незначительнымъ запасомъ источниковъ, принялся я писать своего Богдана Хмельницкаго. Работа увлекала меня въ сильной степени и, вспоминая это время, я могу назвать его однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни. По временамъ, я прочитывалъ написанныя части моего сочиненія своимъ знакомымъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ И. И. Срезневскій, воротившійся изъ за-границы и вступившій тогда на кафедру словянскихъ нарѣчій. Такъ прожилъ я до конца 1843 года. Диссертация моя была разсмотрѣна, одобрена и зимою напечатана. По ея поводу я сошелся съ профессоромъ Лунинымъ: хотя прежде я часто слушалъ его на лекціяхъ и глубоко уважалъ, но домашнимъ образомъ не былъ съ нимъ знакомъ. Теперь меня свело съ нимъ то, что моя диссертация ему особенно понравилась и онъ вполне сочувствовалъ моей мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи. Какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, онъ способенъ былъ смотрѣть шире другихъ ученыхъ мужей стараго закала.

День защищенія моей диссертации назначенъ былъ 13 января 1844 года. Моими оппонентами были профессора: Якимовъ и Срезневскій. Якимовъ, вырвавши изъ моей диссертации два пѣсенныхъ стиха, потребовалъ отъ меня доказать, что здѣсь есть какая нибудь поэзія ¹⁾. Прежде чѣмъ я собрался отвѣчать ему, Лунинъ засмѣялся и сказалъ: «это все равно, еслибы разсѣчь человѣка по частямъ и потребовать, чтобы показали, гдѣ у него душа; ни въ ногѣ, ни въ рукѣ, ни въ ухѣ, ни въ носу нѣтъ души, а весь человѣкъ живой—съ душою». Въ концѣ защищенія прибылъ преосвященный Иннокентій, вмѣшался въ споръ и началъ приводить сравненія народной поэзіи вообще съ библіею; но Артемовскій-Гулакъ, бывшій ректоромъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: «ваше преосвященство! евреи были народъ, состоявшій подъ особымъ покровительствомъ божіимъ, а потому мы о немъ и его поэтическихъ произведеніяхъ касаться считаемъ неумѣстнымъ». Послѣ официальныхъ диспутовъ, профессоръ ботаники Черняевъ вступилъ въ толкованіе названія растений, которыя встрѣчались въ моемъ сочиненіи въ качествѣ народныхъ символовъ, но ректоръ замѣтилъ, что диссертация моя не по предмету ботаники и вдаваться собственно въ ботаническія пренія здѣсь неумѣстно.

¹⁾ Посію я василечки—буду поливати,
Ходи, ходи Василечку—буду привитати.

По окончаніи защищенія меня провозгласили получившимъ степень магистра историческихъ наукъ.

Пущенная въ публику моя диссертация получила сочувственный отзывъ только въ одномъ «Москвитинѣ», въ статьѣ, написанной Срезневскимъ; въ другихъ журналахъ: «Библіотекѣ для чтенія» и «Отечественныхъ запискахъ» ее приняли не такъ ласково. Въ «Библіотекѣ для чтенія», которою заправлялъ тогда Сенковский, мои мнѣнія о важности народной поэзіи для историка подали только возможность поглубиться и позабавиться надъ моею книгою; въ «Отечественныхъ запискахъ» перо знаменитаго тогда Бѣлинскаго выразилось, что народная поэзія есть такой предметъ, которымъ можетъ заниматься только тотъ, кто не въ состояніи или не хочетъ заняться чѣмъ нибудь дѣльнѣе. Видно было, что знаменитый и впоследствии такъ прославленный русскій критикъ не въ состояніи былъ видѣть важности народной поэзіи, — важности, въ наше время уже безусловно признанной наукою. Впрочемъ замѣчательно, что тотъ же Бѣлинскій, еще въ 1839 году разбирая въ «Отечественныхъ запискахъ» моего «Саву Чалаго» и «Украинскія баллады», отнесся обо мнѣ совсѣмъ иначе и призналъ за мною несомнѣнный талантъ.

III.

Учительство и профессура въ Кіевѣ.

Послѣ защищенія диссертации я нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ оставаться въ Харьковѣ и занимался обработкою исторіи Богдана Хмельницкаго. Это занятіе, увлекаая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія, и съ этою цѣлью я обратился къ князю Цертелеву съ просьбою написать кіевскому попечителю о моемъ желаніи получить мѣсто въ кіевскомъ учебномъ округѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ прописать главную ученую цѣль этого желанія. По такой просьбѣ, въ концѣ сентября 1844 года, князь Цертелевъ извѣстилъ меня, что кіевскій попечитель предлагаетъ мнѣ взять на первыхъ порахъ должность учителя исторіи въ ровенской гимназіи и для этого предоставляет мнѣ пріѣхать въ Кіевъ. Я тотчасъ списался съ матерью, извѣстивъ ее, что черезъ двѣ недѣли уѣду въ Кіевъ; мать моя поспѣшила пріѣхать въ Харьковъ. 7 октября вечеромъ я выѣхалъ изъ Харькова на почтовыхъ, провожаемый матерью и толпою харьковскихъ знакомыхъ, изъявлявшихъ мнѣ желаніе найти счастье въ иномъ краѣ.

По прибытіи въ Кіевъ явился я къ попечителю Давыдову, но тотъ, на мое объясненіе о приглашеніи меня, сказалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ и поручилъ обратиться къ его помощнику Юзефовичу. Я отправился къ послѣднему. Онъ принялъ меня радушно, говорилъ, что читалъ мою диссертацию, наговорилъ по ея поводу множество комплиментовъ и подтвердилъ о назначеніи меня учителемъ гимназіи въ Ровно, гдѣ свободное отъ преподаванія время я могу посвятить на обзоръ историческихъ мѣстностей и памятниковъ мѣстной исторіи. Во время моего посѣщенія входитъ молодой человѣкъ, котораго Юзефовичъ знакомитъ со мною. То былъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Разговоръ зашелъ объ источникахъ малорусской исторіи, и мы обоюднo съ удовольствіемъ узнали, что намъ обоимъ были знакомы одни и тѣ же источники. Выходя отъ Юзефовича вмѣстѣ съ Кулишомъ, я отправился въ соборную церковь св. Софіи и осматривалъ-ее съ большимъ любопытствомъ; въ то время она еще не была реставрирована, старыя фрески не были открыты, а стѣны ея были испещрены живописью на штукатуркѣ, которую въ послѣдствіи ободрали; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начато было открытіе фресковъ; правая лѣстница на хоры со стѣнными изображеніями старинной княжеской жизни не была вовсе открыта для публики. Походивши въ Софіевскомъ соборѣ, я отправился къ Кулишу, который занималъ тогда должность смотрителя уѣзднаго училища на Подолѣ. Когда мы заговорили о собраніи пѣсенъ, Кулишъ вынулъ огромный ворохъ бумагъ: то было его собраніе народныхъ пѣсенъ. Самъ я, въ ожиданіи подорожной и подъемныхъ денегъ для слѣдованія въ Ровно, поселился на Подолѣ у какого-то мѣщанина, неподалеку отъ Братства. Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Кулишомъ почти каждый день; мы ходили съ нимъ по Кіеву и осматривали разныя кіевскія достопримѣчательности; онъ же познакомилъ меня съ М. А. Максимовичемъ, жившемъ на Старомъ городѣ, близъ упраздненной нынѣ церкви св. Троицы, занимая небольшой деревянный домикъ съ садомъ.

Припоминая тогдашнее мое обозрѣніе Кіева, я не могу безъ удивленія не замѣтить, какую разницу представлялъ этотъ городъ въ то время съ тѣмъ видомъ, какой онъ имѣетъ въ настоящее время. Печерскъ былъ центромъ торговой дѣятельности; въ той мѣстности, которая теперь вошла въ крѣпость, были ряды лавокъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикою; университетъ стоялъ почти въ полѣ, посреди неудобнопроходимыхъ бугровъ и песчаныхъ насыпей; Старый городъ былъ немощенъ, усыянъ некрасивыми мазанками и лачугами и кромѣ того представлялъ большіе

пустыри; Крещатики не имѣлъ тогда ни магазиновъ, ни лавокъ, ни отелей. Большая часть построекъ была деревянная, мостовой совѣтъ не было, въ сырое время была тамъ большая грязь и слякоть. Набережной по Днѣпру вовсе не было; берегъ его отъ Подола подъ горою былъ буквально непроходимъ и я, затѣявши пойти по берегу съ Подола, съ намѣреніемъ добраться до Лавры, принужденъ былъ воротиться, за невозможностію идти по косогору, особенно въ дождливое осеннее время. Городъ плохо освѣщался, такъ что ходить ночью было истиннымъ наказаніемъ. Мнѣ, прѣѣхавшему изъ Харькова, Кіевъ показался, какъ городъ, гораздо хуже послѣдняго.

Пробывши въ Кіевѣ дней десять и получивъ третнее жалованье не въ зачетъ, я отправился въ Ровно. Дорога шла посреди дремучихъ лѣсовъ; погода была все время необыкновенно дождлива: отъ Кіева до Ровно я не видалъ солнца и платье мое не обсыхало; не смотря на то, я остановился въ Корцѣ, гдѣ обзрѣлъ развалины стараго замка, — потомъ былъ въ Острогѣ. Здѣсь я ходилъ въ развалины іезуитскаго монастыря, сходилъ въ двойное подземелье и видѣлъ тамъ множество разбросанныхъ скелетовъ; нѣкоторые удивительно сохранили на себѣ кожу и засохшее тѣло. Квартировавшіе въ Острогѣ солдаты ходили въ эти развалины и обдирали съ мертвецовъ платье, отдавая его своимъ женамъ на одежду. Затѣмъ я посѣтилъ капуцинскій монастырь, который не дошелъ еще до такихъ развалинъ, какъ іезуитскій. Монахи были удалены изъ него недавно; костель оставался съ деревянною утварью, образами и лавками, хотя служить въ немъ уже было некому; я засталъ въ срединѣ его прогуливающагося въ шапкѣ іудея, который оказался снимавшимъ отъ казны монастырскій садъ, и здѣсь я спускался въ погребъ, служившій нѣкогда усыпальницею. Вошедшій туда прежде меня солдатъ, отбивалъ одну могилу, замурованную въ стѣнѣ; по надписи видно было, что здѣсь была погребена г-жа Сосновская, умершая въ 1633 году. Солдатъ отбилъ доску и вытащилъ гробъ, открывавшійся съ одной стороны какъ сундукъ: предо мною лежала особа среднихъ лѣтъ въ плотномъ шелковомъ платьѣ вишневаго цвѣта; не прошло и трехъ минутъ, какъ образъ ея измѣнился, рассыпался прахомъ — остался одинъ скелетъ. Шелковое платье удивило меня чрезвычайною плотностію ткани: оно было, по толстотѣ, похоже на драпъ. Изъ капуцинскаго монастыря я отправился на гору, гдѣ стояли развалины православной церкви Богоявленія, а около нея башни, бывшія по оградѣ двора князей Острожскихъ и остатки ихъ дома, занимаемый тогда какимъ-то присутственнымъ мѣстомъ.

На церкви не было крыши, и самыя стѣны во многихъ мѣстахъ грозили паденіемъ, такъ что ходить между этими развалинами было не безопасно. На вершинѣ башенъ живописно поросли случайно-насъѣявшіяся деревья. Говорили, что подѣ холмомъ находятся подземные ходы, но я не нашелъ никого, кто бы меня повелъ туда. Осмотрѣвши Острогъ, я отправился далѣе въ путь и въ тотъ же день ночью прибылъ въ Ровно. Этотъ грязный іудейскій городокъ, гдѣ суждено мнѣ было проживать, съ перваго же вида показался мнѣ очень непривѣтливый, особенно при страшной грязи и при совершенномъ отсутствіи наемныхъ лошадей; къ счастью, онъ такъ малъ, что куда бы ни пойти, все не будетъ далеко.

На утро явился я директору Абрамову, будущему моему начальнику, былъ имъ принятъ довольно сухо, хотя и вѣжливо, и принялся искать себѣ квартиры для помѣщенія. Хозяинъ единственной гостиницы, куда я присталъ, порекомендовалъ мнѣ еврея-фактора, а послѣдній извѣстилъ, что можно имѣть квартиру со столомъ у нѣкоего пана Самарскаго, котораго дочь находилась замужемъ за учителемъ гимназіи Епифановичемъ и жила вмѣстѣ съ мужемъ во дворѣ отца. Отправившись съ іудеемъ, я завелъ съ нимъ разговоръ и услышалъ отъ него забавныя свѣденія о его житьѣ-бытьѣ. «Я, говорилъ онъ, былъ богатый торговецъ, торговалъ шелковыми матеріями, да панъ ассессоръ (исправникъ) меня обобралъ до нитки, поймавши въ контрабандѣ; уже два раза я былъ въ передѣлкѣ и послѣ третьяго раза приходилось идти въ Сибирь, поэтому ассессоръ что хотѣлъ, то и могъ съ меня сорвать; съ нами, съ жидами, все такъ поступаютъ: ассессоры слѣдятъ за нами, дадутъ время навозить контрабанды и обогатиться, а потомъ накроютъ и оберутъ; потомъ снова пускаютъ наживаться, а какъ наживемся, они снова накроютъ и снова оберутъ, и такъ мы работаемъ на нихъ». Этотъ іудей довелъ меня къ Самарскимъ. Я нашелъ очень привѣтливыхъ хозяевъ старика и старуху, говорившихъ чистымъ малорусскимъ языкомъ; съ ними въ одномъ дворѣ, только въ другомъ домѣ, жилъ ихъ зять, учитель латинскаго языка. Я нанялъ квартиру, которая поразила меня необыкновенною дешевизною: съ меня взяли десять рублей въ мѣсяцъ за двѣ комнаты со столомъ и стиркою бѣлья. Когда я перебрался въ свое новое помѣщеніе и отправился къ моимъ новымъ хозяевамъ на трапезу, меня поразило обиліе яствъ и радушіе хозяевъ. Каждый разъ было разливное море «старой вудки» и домашней наливки превосходнаго качества; кушанья были приготовлены довольно грубо на салѣ, но въ большомъ изобиліи и изъ хорошаго

матеріала. Такъ началъ я жить изо-дня въ день, посѣщая уроки.

Въ гимназіи было до трехсотъ учениковъ; большинство составляли поляки, или мѣстные уроженцы рямско-католическаго исповѣданія, православныхъ было всего тридцать пять человѣкъ, но они, по образу первоначальнаго воспитанія, кромѣ вѣроисповѣданія, ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ. Сверхъ того было нѣсколько учениковъ іудейскаго происхожденія. Большая часть училась хорошо, лѣтяти составляли незначительное меньшинство, всѣ вели себя благочинно: не происходило никакихъ грязныхъ шалостей, которыми, какъ извѣстно, отличались многія гимназіи въ центрѣ Россіи. Учениковъ польскаго происхожденія, жившихъ въ пансіонѣ или на общихъ квартирахъ, устроенныхъ при гимназіи, обязывали непременно говорить между собою по-русски, но это соблюдалось ими только по нуждѣ и съ явною неохотою. Учителя всѣ были русскіе, исключая нѣмца и француза; большая часть учителей принадлежала къ малоруссамъ лѣвой стороны Днѣпра.

Иногда для развлеченія я ходилъ съ товарищами-учителями играть на билліардѣ въ ресторацію. Изъ учителей я сблизился наиболѣе съ учителемъ латинскаго языка Чуйкевичемъ и математики—Яновскимъ; первый зналъ много малорусскихъ пѣсень, и часто приходя ко мнѣ, пѣлъ ихъ, доставляя мнѣ большое удовольствіе, а послѣдній почти каждый день игралъ со мною на билліардѣ. На рождественскихъ святкахъ, сговорившись со священникомъ единственной ровенской церкви Омелянскимъ, я совершилъ въ нѣсколько дней путешествіе по сосѣднимъ мѣстностямъ, извѣстнымъ по исторіи, а именно: посѣтилъ Дерманскій монастырь, въ которомъ проживалъ Отрепьевъ, и Гощу, гдѣ въ XVI вѣкѣ, въ имѣніи Гойскаго былъ главный притонъ аріанской секты съ училищемъ въ духѣ аріанскаго ученія и гдѣ, въ числѣ учениковъ, былъ и нашъ Самозванецъ. Затѣмъ я посѣтилъ Пересопницу, бывшую когда-то удѣльнымъ княженіемъ, Межиричъ и Тайкуры съ развалинами замковъ.

Возвратившись въ городъ, я снова принялся за свое педагогическое дѣло, а передъ праздникомъ Пасхи 1845 года предпринялъ новое путешествіе уже подальше. Я нанялъ пару лошадей у еврея; со мной поѣхалъ учитель Маловскій, уроженецъ тамошняго же края и потому знакомый какъ съ мѣстностію, такъ и съ житейскими обычаями. Мы пріѣхали въ Кременецъ въ день великой пятницы. Первымъ дѣломъ моимъ было взойти пѣшкомъ на вершину крутой и высокой горы, гдѣ виднѣлся обвалившійся замокъ, приписываемый преданіемъ королевѣ Боннѣ, женѣ короля Сигизмунда 1-го. Выходъ былъ труденъ и утомителенъ. Достигши вершины, я

увидѣлъ великолѣпное зрѣлище раскинутаго у подножія города, а вдали разсыпались разнообразныя холмы горныхъ вершинъ, покрытыя лѣсомъ. Ко мнѣ доносился звонъ колоколовъ въ церквахъ, призывавшій къ вечернѣ. Вѣтеръ на горѣ былъ такъ силенъ, что едва можно было устоять на ногахъ. Я осматривалъ кратеръ колодца, какъ говорятъ мѣстные жители, неимовѣрной глубины; по ихъ словамъ, смѣльчаки пробовали спускаться въ это отверстіе въ корзинахъ на цѣпяхъ, доходили до такой глубины, что могли среди солнечнаго дня видѣть звѣзды, но до дна не достигли. Издавна уже существовалъ обычай приходящимъ бросать въ этотъ колодезь камни, чтобы соображать о глубинѣ по времени долетаемаго отъ паденія звука. Невидно никакого слѣда струба и трудно рѣшить былъ ли въ самомъ дѣлѣ это колодезь, или же подземелье для тайника. Приступъ на вершину горы болѣе удобенъ въ одномъ только мѣстѣ, гдѣ существовалъ подъемный мостъ. Пространство, занимаемое замкомъ, не очень велико и все изрыто буграми, обличающими бывшія строенія. Въ полуобвалившихся стѣнахъ и башняхъ устроены амбразуры для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей. Возвратившись съ горы, я отправился осмотрѣть бывшій кременецкій лицей, обращенный въ православную семинарію. Одинъ изъ учителей, братъ ровенскаго учителя, моего товарища Тихомирова, снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ архимандриту въ Почаевъ, куда я намѣревался слѣдовать изъ Кременца. Переночевавши на постояломъ дворѣ, утромъ, въ великую субботу, я отправился къ заутрени въ соборъ, обращенный недавно передъ тѣмъ изъ францисканскаго католическаго монастыря. Въ тотъ же день я выѣхалъ въ Почаевъ. Дорога шла по живописной мѣстности; по бокамъ виднѣлись холмы, покрытыя рощами, это были отроги Карпатскихъ горъ, заходящіе изъ Галиціи въ наши предѣлы. Къ вечеру мы прибыли въ Почаевъ, остановились въ жидовскомъ постояломъ дворѣ и отправились къ архимандриту. Архимандритъ былъ веселый, радушный старикъ; нѣкогда онъ занималъ мѣсто протоіерея въ Каневѣ и, овдовѣвши, поступилъ въ монашество. Съ перваго раза онъ разговорился о мѣстной старинѣ, о постройкѣ Почаевской обители, воздвигнутой старостою каневскимъ Потоцкимъ, извѣстнымъ безобразникомъ и забіякою. По разсказу архимандрита, Потоцкій однажды ѣхалъ по горѣ въ виду Почаева, видѣвшагося издали, вдругъ кучеръ его, по неосторожности, перевернулъ его экипажъ. Разсерженный панъ приказалъ кучеру остановиться, взялъ ружье и хотѣлъ стрѣлять въ него; кучеръ въ ужасѣ обратился къ видѣвшемуся монастырю и началъ просить спасенія у Почаевской Божіей Матери. Панъ спустилъ курокъ, сдѣлалась осѣчка; панъ

снова взвелъ курока, спустилъ его—въ другой разъ осычка. Это поразило буйнаго пана; онъ бросилъ ружье и началъ у кучера допрашивать, кто такая эта Почаевская Богородица, которую тотъ призывалъ. Панъ мало занимался предметами благочестія, а потому и не имѣлъ понятія о чудотворной иконѣ, существовавшей въ монастырѣ, находившемся недалеко отъ него. Когда кучеръ, чудесно избавленный отъ смерти, сказалъ ему все что зналъ и насколько умѣлъ, панъ пришелъ въ задумчивость. Внезапно пробудилась въ немъ совѣсть, началъ онъ скорбѣть о множествѣ совершенныхъ имъ въ жизни безчинствъ и злодѣяній, явилась склонность къ покаянію. Онъ велѣлъ везти себя въ Почаевскій монастырь и поклонился чудотворной иконѣ. Съ этихъ поръ чувство раскаянія овладѣвало имъ болѣе и болѣе; гнусною показалась ему протекшая жизнь и онъ принялъ намѣреніе окончить ее гдѣ нибудь въ монастырѣ; но чтобы испытать въ какой монастырь укажетъ ему идти высшій промыселъ, онъ нарядился нищимъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ нѣсколько католическихъ монастырей. Вездѣ его принимали дурно, ограничиваясь ничтожнымъ подаваніемъ; но когда онъ явился въ Почаевскій униатскій монастырь, бывшій бѣднѣе другихъ, тамъ его приняли радушно, накормили, напоили, дали пріютъ для ночлега. Потоцкій счелъ это небеснымъ указаніемъ и черезъ нѣсколько времени прибылъ туда, только уже не въ нищенскомъ платьѣ, а въ великолѣпной каретѣ, и принесъ большую сумму на постройку каменнаго храма, того самаго, который существуетъ до сихъ поръ. Здѣсь онъ и поселился въ качествѣ послушника, произвольно смирялъ себя, исполнялъ черныя работы, но иногда невольно выказывалъ и прежнія панскія замашки; такъ, напримѣръ, подметая коридоры келій, онъ будилъ къ заутрени монаховъ, и чуть только замѣтитъ въ комъ нибудь лѣность, того потянетъ по спинѣ метлою. Здѣсь онъ умеръ и былъ погребенъ въ церкви; тѣло его, долго оставаясь нетлѣннымъ, показывалось богомольцамъ, одѣтое въ польскій кунтушъ и обутое въ огромныхъ сапогахъ. Послѣ обращенія монастыря въ православіе, это тѣло повелѣно схоронить и не показывать никому, чтобы народъ не признавалъ его святынею.

Архимандритъ приглашалъ насъ прибыть ночью къ богослуженію, а послѣ обѣдни разговляться вмѣстѣ съ братією въ трапезѣ. Въ полночь мы отправились въ церковь и прослушали пасхальную заутреню. Напѣвъ въ Почаевскомъ монастырѣ показался мнѣ отличнымъ отъ обыкновеннаго русскаго, онъ былъ особенно веселый и напоминалъ мнѣ мотивы экоссеса, знакомые съ дѣтства. Церковь почаевская одна изъ просторнѣйшихъ, какія я видѣлъ

въ Россіи, и сохранила сильныя слѣды прежняго католичества. За низенькимъ иконостасомъ, придѣланнымъ по присоединенію къ православію, видѣлся высокій католическій иконостасъ; по другую сторону престола, у капитальной стѣны, во многихъ мѣстахъ у столбовъ стояли алтарики, употребляемые католиками и уніатами для тихой обѣдни и никакъ немыслимые въ православномъ храмѣ, такъ какъ они обращены были не на востокъ и самый престолъ примыкался прямо къ стѣнѣ, а вмѣсто образовъ были скульптурныя вещи; на хорахъ оставался еще большой органъ, хотя совершенно безъ употребленія. Послѣ обѣдни, вслѣдъ за архимандритомъ, мы пошли въ обширную залу съ накрытыми столами, на которыхъ были разставлены пасхальныя снѣди, но безъ мясныхъ кушаньевъ. Послѣ хорового пѣнія «Христосъ воскресе», всѣ принялись закусывать, а потомъ тутъ же начался обѣдъ, несмотря на то, что было время только солнечнаго восхожденія. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ рыбныхъ кушаньевъ и сливочнаго крема; я замѣтилъ, что братія, которой я насчиталъ восемнадцать человѣкъ, ничего не ѣла. Послѣ обѣда архимандритъ пригласилъ насъ въ келію, и тамъ увидали мы разставленный на столѣ обильный запасъ всякихъ мясныхъ кушаньевъ, колбасъ, поросятъ, индѣекъ и множество бутылокъ съ наливкою и виномъ. Архимандритъ объяснилъ намъ, что у нихъ трапеза бываетъ только для приличія, а всѣ они утѣшаются по кельямъ; при этомъ онъ объяснилъ, что въ западномъ краѣ, гдѣ еще свѣжи уніатскіе и католическіе обычаи, такое нарушеніе принятыхъ въ православномъ монашествѣ обычаевъ и терпится, и дозволяется. Послѣ того мы пробыли въ монастырѣ трое сутокъ и испытали большое гостепріимство и радушіе отъ архимандрита и братіи. Въ понедѣльникъ мы обѣдали у архимандрита въ его кельѣ и должны были отдать честь его повару, изготавившему очень вкусный мясной обѣдъ. Монахи, которыхъ большая часть была изъ уроженцевъ великорусскихъ губерній, зазывали насъ поодиначкѣ другъ передъ другомъ и старались угостить какъ можно обильнѣе, такъ что мы принуждены были отдѣлываться отъ нихъ. Я осмотрѣлъ монастырскую библіотеку, которая оказалась очень богатою старопечатными русскими книгами благочестиваго содержанія, но я не имѣлъ времени ознакомиться съ ними подробнѣе.

Въ главной почаевской церкви показываютъ стопку Божіей Матери; изъ этой стопки сочится вода; чтобы видѣть эту стопку, надобно наклониться и вложить голову въ отверстіе, находящееся въ стѣнѣ ниши. По свѣденію, сообщенному архимандритомъ, этой воды насочится въ день половину чайной ложечки, иногда немного

больше; а такъ какъ богомольцевъ приходитъ много и много желающихъ имѣть эту воду, то мы, какъ говорить архимандритъ, прибѣгаемъ къ гомеопатическимъ раствореніямъ и впускаемъ полложечки чудотворной воды въ цѣлую кадъ съ обыкновенною простою водою. Преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря, въ XIII вѣкѣ, какіе-то пастухи увидали на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стопка, стоящую Божию Матерь. Слѣдъ ноги отъ изображенія остался на землѣ и изъ него начала сочиться вода. Монастырь построенъ на скалѣ, воды кругомъ близко нѣтъ, и появленіе воды въ стопкѣ признается удивительнымъ дѣломъ. Въ большомъ корридорѣ, идущемъ отъ главной церкви, по стѣнѣ написана исторія чудеснаго освобожденія Почаева въ 1672 году отъ турецкаго нападенія. Монастырь въ то время еще былъ православный, игуменомъ тамъ былъ Іовъ Зализо; турецкій паша сдѣлалъ нашествіе на польскіе предѣлы, множество сосѣдней шляхты убѣжало въ Почаевскій монастырь, рѣшаясь тамъ давать отпоръ непріятелю, но осажденные стали терпѣть недостатокъ сѣстного и въ отчаяніи рѣшились выйти, вступить въ бой съ врагами и погибнуть въ сѣчѣ. Отецъ Іовъ служилъ послѣднюю обѣдню, приготовляя осажденныхъ къ ихъ рѣшительному подвигу. Въ эту самую минуту, когда онъ провозгласилъ «изряднѣй о пресвятѣй, пречистѣй и преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ,» на крестѣ монастырскаго храма явилось изображеніе Божіей Матери: Она грозила рукою турецкому войску. Турки, по приказанію своего пашы, пустили въ изображеніе ядро, но это ядро обратилось назадъ и положило многихъ турокъ. Событіе это произвело такой паническій страхъ, что все турецкое войско убѣжало, а польское, ободрившись, стало его преслѣдовать и нанесло ему пораженіе подъ Вишневецомъ. Въ томъ же монастырѣ показываютъ яму, вырубленную въ скалѣ, куда преподобный Іовъ иногда влѣзалъ, желая предаться уединенному богомыслию.

Почаевскій монастырь пользуется большимъ уваженіемъ не только у православныхъ, но и у католиковъ и униатовъ. Я видѣлъ тамъ множество пришельцевъ обоюго пола изъ Галиціи, заговаривалъ съ ними и нашелъ, что у нихъ нарѣчіе и говоръ ничѣмъ не отличаются отъ волынцевъ. Почаевъ лежитъ на границѣ Австріи. Съ монастырской террасы живописно виднѣется Подкамель съ католическимъ монастыремъ, находящимся уже въ предѣлахъ Галиціи.

Изъ Почаева мы направились въ Вишневецъ, съ цѣлью осмотрѣть тамъ замокъ, замѣчательную картинную галлерейю съ фа-

мѣльными портретами князей Вишневецкихъ, библіотеку съ рукописями и множество древнихъ вещей.

Выѣхавши изъ Почаева рано утромъ, мы были въ Вишневецѣ къ полудню, такъ какъ до него отъ Почаева не болѣе двадцати верстъ съ небольшимъ. Въ то время Вишневецъ принадлежалъ графу Мнишку: послѣ прекращенія фамиліи князей Вишневецкихъ, въ половинѣ XVIII вѣка, ихъ имѣніе пошло въ раздѣлъ между разными наслѣдниками и главное ихъ гнѣздо, съ фамильнымъ замкомъ, досталось фамиліи Мнишковъ, которая нѣсколько разъ уже родилась съ Вишневецкими и тогда находилась съ ними въ самомъ близкомъ родствѣ. Замокъ составляетъ большое каменное зданіе въ два этажа съ заворотами. Я имѣлъ рекомендательное письмо къ владѣльцу его, полученное мною отъ владѣльца Ровно, князя Любомирскаго. Первый предметъ, поразившій меня при входѣ въ сѣни замка, было нѣсколько громадныхъ картинъ, выставленныхъ на стѣнѣ и изображавшихъ сцены изъ жизни нашего Самозванца. Тутъ было первое появленіе его у Мнишка, обрученіе съ Мариною и не помню еще что-то; надобно было бы обратить особое вниманіе на эти картины, очевидно старыя, и снять съ нихъ копія тѣмъ болѣе, что онѣ совсѣмъ не тѣ, какія хранятся въ Оружейной палатѣ, и изображаютъ сцены, происходящія въ Москвѣ. Графъ, Мнишекъ допустилъ насъ къ себѣ, принялъ довольно холодно и на просьбу мою осмотрѣть его замокъ сказалъ, что тамъ нѣтъ ничего любопытнаго; потомъ призвалъ служителя и, отдавъ ему ключи, велѣлъ вести насъ по комнатамъ замка, но приказалъ не заводить насъ въ библіотеку, гдѣ, какъ онъ сказалъ, рукописи находятся въ безпорядкѣ. Это мнѣ показалось очень прискорбнымъ: я понималъ, что не увижу того, что меня особенно интересовало и побудило искать знакомства съ польскими магнатами. Насъ повели по комнатамъ, расположеннымъ анфиладою; комнаты были однообразно убраны зеркальными стѣнами, на дверяхъ и окнахъ висѣли шелковые портьеры, вышитыя, какъ говорилъ проводникъ, послѣднею изъ Вишневецкихъ, остававшееся въ дѣвицахъ и до смерти проживавшее въ этомъ замкѣ. Съ особеннымъ любопытствомъ и съ участіемъ разсматривалъ я портреты Вишневецкихъ, развѣшанные по зеркальнымъ стѣнамъ, и съ сердечнымъ участіемъ встрѣчалъ многія, знакомыя мнѣ по исторіи, лица. Въ угольной комнатѣ, которою кончалась эта анфилада, показывали вырѣзанныя на зеркалѣ слова: *comte du Nord*; эта надпись сдѣлана была императоромъ Павломъ Петровичемъ, который, будучи еще великимъ княземъ, путешествовалъ подъ именемъ Сѣвернаго графа и заѣзжалъ въ Вишневецъ, гдѣ не засталъ хозяевъ. — Обойдя замокъ, насколь-

ко это было позволено, мы отправились къ хозяину и получили приглашеніе идти къ нему въ садъ, куда онъ ушелъ. Этотъ садъ былъ некрасивъ и запущенъ. Мнишекъ сидѣлъ подъ деревомъ съ книгою въ рукахъ, выслушалъ мою благодарность и пригласилъ къ четыремъ часамъ обѣдать. Время, остававшееся до обѣда, я употребилъ на осмотръ старой православной церкви, гдѣ погребенъ Михаилъ Вишневецкій, послѣдній изъ Вишневецкихъ, умершій въ православной вѣрѣ: это былъ отецъ знаменитаго Іереміи и мужъ Раины Могилянки, родственницы митрополита Петра Могилы и ревностной православной, основавшей Густынской монастырь въ прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Эта деревянная церковь въ Вишневецѣ хотя не отличается большимъ благообразіемъ, но и не имѣетъ того нищенскаго вида, какой я встрѣчалъ по деревяннымъ православнымъ церквямъ Волыни въ тогдашнее время. Оттуда я отправился въ другую церковь, каменную, обращенную изъ бывшаго нѣкогда іезуитскаго монастыря, гдѣ въ склепѣ находится усыпальница князей Вишневецкихъ со времени ихъ обращенія въ католичество. Священникъ этой церкви сказалъ мнѣ, что поступивши на это мѣсто, онъ представлялъ архіерею, что съ обращеніемъ костела въ православную церковь нужно выбросить изъ склепа прахъ Іереміи Вишневецкаго, заявившаго себя жестокимъ фанатикомъ и непримиримымъ врагомъ православной вѣры и русскаго народа; но представленіе священника не было уважено и ему сдѣлали замѣчаніе, что не слѣдуетъ трогать мертвыхъ.

Мы отобѣдали у графа Мнишка не въ парадныхъ комнатахъ замка, а въ пристройкѣ, сдѣланной внизу къ первому этажу, гдѣ онъ постоянно помѣщался; съ нами обѣдалъ одинъ изъ сыновей его. Послѣ обѣда хозяинъ завелъ со мною разговоръ объ исторіи эпохи Хмельницкаго и изъяснялъ мнѣніе, что польскіе историки невѣрно относятся къ этой эпохѣ и что Хмельницкій вовсе не такой дурной человѣкъ, какимъ его представляли поляки по причинѣ бывшей вражды. Онъ велѣлъ принести портретъ Хмельницкаго и увѣрялъ, что это самый вѣрнѣйшій, какой гдѣ либо найти можно. Замѣчательно, что когда переходя то къ той, то къ другой эпохѣ русской и польской исторіи, я коснулся Самозванца, ему, какъ видно, было непріятно говорить объ этомъ предметѣ и онъ вполголоса сказалъ: «это было ужъ очень давно!» Прощаясь со мною, Мнишекъ сообщилъ мнѣ, что въ Кременцѣ есть нѣкто Радзиминскій, котораго отецъ занимался специально эпохою Хмельницкаго и оставилъ рукописныя сочиненія. Мнишекъ совѣтовалъ мнѣ обратиться къ Радзиминскому и попытаться узнать—не сохранилось ли въ бумагахъ отца какихъ нибудь любопытныхъ

матеріаловъ, могущихъ служить источниками для исторіи козацкой революціи.

Изъ Вишневца я направился обратно въ Кременецъ и посетилъ Радзимиинскаго по рекомендаціи Мнишка. Къ моему удивленію, въ Радзимиинскомъ я встрѣтилъ человѣка, который отъ моей просьбы познакомить меня съ сочиненіями его отца, пришелъ въ испугъ; онъ разсказалъ мнѣ, что по какому-то доносу о существованіи этой исторіи, писанной его отцемъ, его арестовали, взяли его бумаги и повезли самого въ Кіевъ, держали нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ возвратили ему отцовскую рукопись и отпустили домой; но по пріѣздѣ онъ узналъ, что его беременная жена въ испугѣ за участь мужа заболѣла и преждевременно разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Я увѣрялъ его, что вовсе не принадлежу къ администраціи и обратился къ нему съ чисто-ученымъ намѣреніемъ, да притомъ и не осмѣлился бы обратиться, еслибы зналъ, что рукопись, о которой идетъ рѣчь, оставляетъ для него такое тяжелое воспоминаніе. Лицо Радзимиинскаго нѣсколько прояснилось, онъ предложилъ мнѣ завтракъ, но, несмотря на мою повторенную просьбу, не показалъ мнѣ отцовской рукописи. Впрочемъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя на основаніи этой рукописи мнѣ передавалъ Радзимиинскій, я могу заключить, что и не нашелъ бы въ ней много новаго и интереснаго, такъ какъ Радзимиинскій, увѣряя, что его отецъ былъ великій ученый, говорилъ на основаніи отцовскихъ показаній, что Хмельницкій принялъ турецкую вѣру.

Изъ Кременца мы отправились въ Берестечко, куда и прибыли на другой день рано утромъ. Мѣстность знаменитой битвы Хмельницкаго была мнѣ очень извѣстна по письменнымъ источникамъ, и я съ особеннымъ рвеніемъ старался повѣрить мои о ней представленія, старался отыскать слѣды давно минувшихъ событій, о которыхъ столько читалъ, писалъ и думалъ. Берестечко лежитъ на равнинѣ вдоль рѣки Стыри—рѣки, чрезвычайно извилистой; въ нее впадаетъ, версты за четыре не доѣзжая мѣстечка, болотистая рѣчка Пляшова, извѣстная гибелью козацкаго войска, котораго множество потонуло при безпорядочномъ переходѣ черезъ нее во время несчастнаго бѣгства изъ лагеря. Приближаясь къ мѣстечку и переѣхавши уже черезъ Пляшовую, я наткнулся на старую линію окоповъ въ видѣ полумѣсяца и понялъ, что это слѣды бывшаго польскаго лагеря, сдѣланнаго тогда, когда поляки перешли съ правой стороны Стыри на лѣвую. Вправо отъ дороги змѣилась извилистая Стырь, налѣво глаза упирались въ густой, высокій лѣсъ. Прибывши въ мѣстечко, мы остановились въ жидовской корчмѣ. Я вынулъ изъ портфеля свои бумаги и началъ

толковать съ товарищемъ о Хмельницкомъ; потомъ позвалъ іудея и просилъ его нельзя ли достать мнѣ старыхъ людей, знающихъ хорошо мѣстность, чтобы они показали мнѣ поле и разныя признаки на немъ. Іудей посмотрѣлъ на меня подозрительно и исчезъ. Я продолжалъ свой разговоръ съ товарищемъ, пока спустя полъ-часа не вошелъ къ намъ въ комнату господинъ въ мундирномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, при шпагѣ; онъ потребовалъ отъ насъ паспорта и, увидавши изъ нихъ, кто мы такіе, ласково сказалъ: «вамъ, господа, угодно осмотрѣть поле битвы, происходившей между козаками и поляками; я могу доставить все, что вамъ нужно и покорнѣйше прошу перебраться ко мнѣ въ домъ, у меня вамъ будетъ спокойнѣе и удобнѣе.» Меня очень удивила увѣренность, съ какою этотъ господинъ выразился, что ему вполне извѣстно зачѣмъ мы пріѣхали и чего ищемъ. Мы вышли съ нимъ и сѣли въ его экипажъ, а іудей, по его приказанію, положилъ туда же всѣ наши пожитки. Дорогою этотъ господинъ объяснилъ намъ, что онъ становой приставъ и, предувѣдомленный іудеемъ о прибытіи какихъ-то господъ, желающихъ зачѣмъ-то осматривать поле, пришелъ къ намъ въ намѣреніи, если окажется нужнымъ, арестовать насъ; но, подслушавши у дверей нашъ разговоръ, понялъ, что мы не какіе нибудь польскіе эмиссары, которыхъ ему предписывали беречься, а ученые, отыскивающіе слѣды давно минувшихъ событій. Мы нашли у него самый гостепріимный пріемъ, вмѣстѣ съ нимъ объѣзжали поле и всѣ окрестности Берестечка и черезъ его посредство дѣлали распросы и вели бесѣды съ народомъ. Поѣхавши снова на поле, гдѣ была битва, я увидѣлъ ясно на одной сторонѣ ближе къ лѣсу небольшое возвышеніе, гдѣ стоялъ крымскій ханъ, а вправо отъ него, черезъ дорогу, ближе къ Стыри, слѣды кругловидныхъ окоповъ, гдѣ былъ козацкій лагерь, укрѣпленный послѣ ухода Хмельницкаго за ханомъ. Тутъ я нашелъ и островъ на Стыри, тотъ самый, гдѣ по извѣстію Пасторія, защищались триста храбрыхъ козаковъ, не хотѣвшихъ сдаться врагамъ и мужественно погибшихъ въ упорной битвѣ. Этотъ островъ весь поросъ большимъ лѣсомъ; вправо отъ него, при впаденіи рѣки Пляшовой, было мѣсто рокового перехода козаковъ черезъ рѣку,—перехода, въ которомъ потонуло множество козацкаго войска. Что это событіе происходило именно въ этомъ мѣстѣ, я заключилъ по поводу собранныхъ извѣстій, что до сихъ поръ въ упомянутомъ мѣстѣ, на днѣ рѣки отыскиваются обломки сѣделъ, оружія, стремени и перетлѣвшіе куски попонъ. Все это, какъ извѣстно, бросали козаки въ воду, чтобы устроить плотину для своего перехода. На противоположной сторонѣ Стыри,

за мѣстечкомъ Берестечкомъ, находится холмъ, со сложенною изъ кирпича часовнею, въ которой поставлена статуя св. первомученицы Оеклы. Здѣсь, по преданію, погребена толпа женщинъ, убѣжавшихъ изъ окрестностей подъ защиту польскаго войска и остававшихся на правой сторонѣ Стыри въ то время, когда поляки выступили въ бой на лѣвой сторонѣ той же рѣки. Татары неожиданно перешли рѣку и перебили всѣхъ этихъ женщинъ, которыхъ число преданіе показываетъ до трехъ тысячъ. На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, холмъ съ часовнею есть мѣсто, гдѣ погребены были польскіе воины, убитые въ бою. На этой же сторонѣ Стыри, версты за двѣ отъ мѣстечка, стоитъ высокій памятникъ, поставленный, какъ гласитъ на немъ надпись, надъ тѣломъ князя Пронскаго, умершаго въ 1533 году. Онъ, какъ говоритъ преданіе, былъ еретикъ, и зная, что по смерти достанется во власть дьяволу и будетъ ходить мертвецомъ, пугая живыхъ людей, приказалъ прибить свой гробъ во внутренности верхней части памятника на цѣпяхъ. Я влѣзалъ по подставленной лѣстницѣ въ отверстіе, пробитое въ этой верхней части и видѣлъ дѣйствительно обломки цѣпей, со вбитыми въ своды кольцами. Этотъ князь Пронскій былъ одинъ изъ рязанскихъ князей, бѣжавшій въ Литву послѣ насильственнаго завладѣнія Рязанской землею со стороны Москвы. Само собою разумѣется, что народная легенда о его еретичествѣ не имѣетъ историческаго основанія.

Осмотрѣвши Берестечко, мы черезъ два дня выѣхали назадъ въ Ровно, напутствуемые добрыми пожеланіями гостепріимнаго нашего хозяина и снабженные отъ него на дорогу съѣстными припасами.

Наступилъ въ гимназіи экзаменъ, и тутъ я получилъ изъ Кіева извѣстіе, что меня переводятъ учителемъ исторіи въ первую кіевскую гимназію. Приходилось прощаться съ Ровномъ и Волинью. Я уѣхалъ оттуда съ большимъ ворохомъ народныхъ пѣсенъ и записанныхъ преданій и рассказовъ; нѣкоторые были собраны мною лично, другіе доставлялись моими учениками, которыхъ я заохотилъ, по случаю побѣдокъ ихъ къ роднымъ на вакаціонное время, собирать и доставлять мнѣ народные памятники.

Приѣхавши въ Кіевъ, я узналъ, что уже все было сдѣлано относительно моего перевода, и пользуясь наступленіемъ лѣтнихъ вакацій, отправился въ воронежскую губернію къ матери на почтовыхъ черезъ Глуховъ и Курскъ.

Во время вакацій я съѣздилъ въ Дивногорскій монастырь, расположенный въ чрезвычайно красивой мѣстности надъ Дономъ, близъ устья Тихой Сосны. Это одно изъ живописнѣйшихъ

мѣстностей, которыя мнѣ случалось встрѣчать въ Россіи. Мѣловыя горы, составляющія берегъ Дона, по своей природной конструкціи приняли здѣсь фантастическія фигуры столбовъ, колоннъ, каменныхъ скамей, пристѣнковъ, башенъ и т. п. Въ мѣловыхъ горахъ тянется углубленіе, покрытое лѣсомъ; здѣсь построены монастырь. Онъ былъ бѣденъ и заключалъ въ себѣ не болѣе пяти братій, изъ которыхъ одинъ, бывшій нѣкогда армейскимъ капитаномъ, теперь іеромонахъ, носилъ званіе настоятеля. Въ мѣловой горѣ, выше лѣса, которымъ обросла ея подошва, есть пещера, выкопанная въ видѣ корридора; начало ея, по преданію, относится къ XVII вѣку. Настоятель, показывая мнѣ эту пещеру, рассказалъ мнѣ, что на Троицынъ день въ Кіево-печерской лаврѣ было чудное видѣніе: во время обѣдни явилась Богородица за престоломъ и осѣнила народъ крестнымъ благословеніемъ. Говорили ему объ этомъ богомолки, недавно прибывшія изъ Кіева, и увѣряли, что сами были въ церкви и видѣли явленіе Богородицы. Я объяснилъ ему, что самъ на первый день Троицы былъ у обѣдни въ лаврѣ и однако не видалъ Богородицы. «Значить Господь не сподобилъ васъ увидѣть чудо, а женщины его увидали», сказалъ настоятель.

Въ августѣ я отправился снова въ Кіевъ и по пріѣздѣ туда вступилъ въ свою новую должность учителя первой кіевской гимназіи. Сначала я помѣстился на Старомъ Городѣ, потомъ перешелъ на Крещатику и нанялъ квартиру вмѣстѣ со студентомъ Аѳанасіемъ Маркевичемъ, горячимъ любителемъ южнорусскаго языка и ревностнымъ мѣстнымъ этнографомъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ ноябрѣ я получилъ отъ матери письмо, въ которомъ она жаловалась на упадающее здоровье и изъявила желаніе продать имѣніе и переѣхать ко мнѣ въ Кіевъ. Я сообразилъ, что держать имѣніе за девятьсотъ верстъ отъ Кіева и ѣздить въ него на перекладныхъ — не совсѣмъ удобно и предположилъ продать имѣніе въ острогожскомъ уѣздѣ, а вмѣсто него купить гдѣ нибудь по сосѣдству съ Кіевомъ. Съ этою цѣлью я отправился къ матери въ декабрѣ 1845 года. Медлить было нечего, потому что находился хорошій покупатель имѣнію. По пріѣздѣ въ свою свободу, я немедленно послалъ нарочнаго къ помѣщику, желавшему купить имѣніе, а тотъ прислалъ ко мнѣ своего повѣреннаго, двороваго человѣка, съ деньгами. Мы отправились въ Воронежъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней совершили купчую крѣпость. Возвратившись назадъ, я попрощался съ угломъ, который считалъ своимъ много лѣтъ, и отправился на почтовыхъ, черезъ Харьковъ, въ Кіевъ. На дорогѣ, между Полтавою и Кіевомъ, я простудилъ себѣ

горло и получилъ нарывъ; въ такомъ состояніи прибылъ я въ Кіевъ на первый день Рождества. Квартира моя оказалась не-топленою; товарища моего Маркевича не было въ городѣ и я принужденъ былъ пріютиться въ какой-то грязной гостинницѣ, находившейся на Крещатикѣ, на углу Бессарабской площади. Здѣсь мой знакомый, проживавшій въ Кіевѣ кандидатъ деритскаго университета, Н. И. Гулакъ пригласилъ меня переѣхать къ нему и жить до пріѣзда ко мнѣ матушки, послѣ чего я собирался уже отыскать себѣ особую квартиру. Болѣзнь горла потребовала операціи, мнѣ сдѣлалъ ее профессоръ Короваевъ, проколовшій нарывъ въ горлѣ и я оставался въ квартирѣ у Гулака до февраля. Такъ какъ выздоровленіе не позволяло мнѣ выѣзжать, то я проводилъ время съ Гулакомъ и учился вмѣстѣ съ нимъ сербскому языку. Къ намъ часто приходилъ нашъ общій пріятель Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, по окончаніи курса въ университетѣ проживавшій въ Кіевѣ, въ надеждѣ найти себѣ служебное мѣсто. Потомъ сталъ ходить къ намъ Аѳанасій Маркевичъ, возвратившійся въ городъ отъ брата, у котораго нѣсколько времени гостилъ. Наши дружескія бесѣды обращались болѣе всего къ идеѣ славянской взаимности. Надобно сказать, что то было время, когда сознаніе этой идеи было еще въ младенествѣ, но за-то отпечатлѣвалось такою свѣжестью, какую она уже потеряла въ близкое къ намъ время. Чѣмъ тусклѣе она представлялась въ головахъ, чѣмъ менѣе было обдуманнхъ образовъ для этой взаимности, тѣмъ болѣе было въ ней таинственности, привлекательности, тѣмъ съ большею смѣлостью создавались предположенія и планы, тѣмъ болѣе казалось возможнымъ все то, что, при большей обдуманности, представляло тысячи препятствій къ осуществленію. Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Мимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй. Мы стали воображать всѣ славянскіе народы соединенными между собою въ федераціи, подобно древнимъ греческимъ республикамъ, или Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, съ тѣмъ, чтобы всѣ находились въ прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдѣльную автономію. Федерація только по однѣмъ народностямъ не оказалась для насъ вполне удобною по многимъ причинамъ, а въ особенности по количественному неравенству массъ, принадлежавшихъ къ народностямъ. Какое въ самомъ дѣлѣ союзни-

чество на основаніяхъ взаимнаго равенства могло существовать между ничтожными по количеству лужичанами и огромною массою русскаго народа съ неизмѣримыми пространствами его отечества? Мы пришли къ результату, что съ сохраненіемъ права народностей необходимо другое дѣленіе частей будущаго славянскаго государства, для его федеративнаго строя. Такимъ образомъ составила мысль объ административномъ раздѣленіи земель, населяемыхъ славянскимъ племенемъ, независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежитъ это племя въ той или другой полосѣ обитаемаго имъ пространства. Мы не могли уяснить себѣ въ подробности образа, въ какомъ должно было явиться наше воображаемое федеративное государство; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостнаго права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ достиженію этой цѣли въ далекомъ будущемъ предполагалось воспитаніе общества въ духѣ такихъ идей, а потому считалось необходимымъ, чтобы въ университетахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ были люди искренно-преданные этимъ идеямъ и способные внедрять ихъ въ юныя поколѣнія. Съ этою цѣлью явилась мысль образовать общество, котораго задача была бы распространеніе идей славянской взаимности, какъ путями воспитанія, такъ и путями литературными. Въ видѣ предположенія, мною начертанъ былъ уставъ такого общества, котораго главными условіями были: полнѣйшая свобода вѣроисповѣданія и національностей и отверженіе іезуитскаго правила объ освященіи средствъ цѣлями, а потому заранѣе заявлялось, что такое общество ни въ какомъ случаѣ не должно покусаться на что нибудь имѣющее хотя тѣнь возмущенія противъ существующаго общественнаго порядка и установленныхъ поддерживающихъ властей. Изученіе славянскихъ языковъ и литературъ ставилось главнѣйшимъ дѣломъ въ образованіи. Товарищи мои искренно приняли эти идеи; самому обществу предположено было дать названіе общества св. Кирилла и Меѳодія, славянскихъ апостоловъ. Мысль объ основаніи общества вскорѣ была забыта, послѣ того какъ я, оправившись отъ недуга, сталъ ѣздить въ гимназію на должность, и съ пріѣздомъ ко мнѣ матушки на постоянное жи-

тельство навялѣ другую квартиру; но мысль о словянской взаимности и словянской федераціи глубоко оставалась у всѣхъ насъ, какъ завѣтная въ жизни.

1-го февраля 1846 года мать моя пріѣхала въ Кіевъ и съ этихъ поръ начался для меня иной родъ домашней обстановки. Вмѣстѣ съ матушкой я поселился на Крещатикѣ, въ домѣ Сухоставской. Чрезъ нѣсколько домовъ, на противоположной сторонѣ, въ той самой гостинницѣ, куда я прибылъ на праздникъ Рождества, по возвращеніи съ продажи моего имѣнія, квартировалъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, пріѣхавшій тогда изъ Петербурга въ Малороссію съ намѣреніемъ пріютиться здѣсь и найти себѣ должность. Узнавши о немъ, я познакомился съ нимъ и съ перваго же раза сблизился. Тогда была самая дѣятельная пора для его таланта, апогей его духовной силы. Я съ нимъ видался часто, восхищался его произведеніями, изъ которыхъ многія, еще неизданныя, онъ далъ мнѣ въ рукописяхъ. Нерѣдко мы просиживали съ нимъ длинныя вечера до глубокой ночи, а съ наступленіемъ весны часто сходились въ небольшомъ садикѣ Сухоставскихъ, имѣвшемъ чисто малорусскій характеръ: онъ былъ насаженъ преимущественно вишнями; было тамъ и нѣсколько колодъ пчелъ, утѣшавшихъ насъ своимъ жужжаніемъ.

Кромѣ Шевченка, частыми собесѣдниками моими были: Гулакъ, Бѣлозерскій, Маркевичъ и учитель Пильчиковъ; нерѣдко заходилъ ко мнѣ старый профессоръ бывшаго кременецкаго лица Зеновичъ, добродушный старичекъ, занимавшійся химіею и нѣкогда сочинившій какую-то теорію о сотвореніи міра посредствомъ электричества и магнетизма; онъ имѣлъ слабость проповѣдывать ее кстати и некстати всякому встрѣчному и поперечному. Кулиша въ то время не было въ Кіевѣ: онъ находился въ Петербургѣ.

Въ концѣ мая меня извѣстили, что университетъ св. Владимира желаетъ избрать меня въ преподаватели русской исторіи вмѣсто недавно умершаго Домбровскаго, но съ тѣмъ, чтобы я прочиталъ въ совѣтѣ пробную лекцію, такъ какъ большая часть членовъ меня не знала и даже не видала въ глаза. Я согласился на это условіе. 4-го іюня меня пригласили въ засѣданіе совѣта и предложили мнѣ прочитать лекцію о томъ, съ какого времени слѣдуетъ начинать русскую исторію. Я прочиталъ. Содержаніе моей лекціи основывалось на томъ, что исторія русская есть исторія словянскаго племени, живущаго въ Россіи и потому начинать ее надобно съ тѣхъ временъ, въ которыхъ являются признаки поселенія словянъ на русскомъ материкѣ. Задача моя повлекла меня въ эпоху владычества готевъ и гуновъ. Я изложилъ съ своей

точки зрѣнія теорію происхожденія гунновъ отъ смѣси разныхъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи и въ томъ числѣ словянъ, порабощенныхъ готами и бѣжавшихъ въ заволжскія степи вмѣстѣ съ бѣглецами изъ другихъ племенъ. Такъ какъ я недавно передъ тѣмъ читалъ Амміана Марцеллина, Іорнанда, Ліутпранда, Приска и другихъ писателей древняго времени, оставившихъ повѣствованія о гуннахъ, то лекція моя вышла настолько богата свѣдѣніями, сколько и примѣрами свидѣтельствъ, приводимыхъ мною въ подлинникахъ: она произвела самое хорошее впечатлѣніе. По удаленіи моемъ изъ зала совѣта, произведена была баллотировка, а черезъ часъ ректоръ университета, профессоръ астрономіи Оедоровъ, прислалъ мнѣ записку, въ которой извѣстилъ, что я принятъ единогласно, и не оказалось ни одного голоса, противнаго моему избранію. То былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и памятныхъ дней моей жизни. Университетская кафедра давно уже для меня была желанною цѣлью, которой достиженія, однако, я не надѣялся такъ скоро.

Черезъ день или два послѣ моего избранія, я переѣхалъ на другую квартиру, на Старый Городъ, на Рейтарскую улицу и, оставивши въ ней свою матушку, отправился на почтовыхъ въ Одессу съ цѣлью морского купанья. Я пробылъ въ Одессѣ до половины августа и возвратился въ Кіевъ, а черезъ нѣсколько дней былъ приглашенъ читать вступительную лекцію въ университетѣ. Моя первая лекція прошла какъ нельзя лучше; слушателей было огромное число, и кромѣ того ее посѣтили нѣсколько профессоровъ университета.

Такъ началась моя кратковременная профессорская карьера. Съ тѣхъ поръ я началъ жить въ совершенномъ уединеніи, погружившись въ занятія исторіею; время мое поглощалось писаніемъ лекцій по русской исторіи, которыхъ надобно было каждую недѣлю приготовить четыре. Кромѣ того я иногда принимался за Богдана Хмельницкаго, дополняя написанное мною нѣкоторыми источниками, отысканными въ университетской библіотекѣ. Потомъ я принялся писать Славянскую Мифологію, что, впрочемъ, было частію читаемыхъ мною лекцій. Вмѣстѣ съ гимназическими уроками, покинулъ я бывшіе у меня уроки въ пансіонахъ, оставивши за собою только одинъ изъ уроковъ въ Образцовомъ пансіонѣ г-жи Де-Мельянь. За-то профессоръ Иванишевъ, бывшій вмѣстѣ инспекторомъ Института благородныхъ дѣвицъ, уговорилъ меня читать двѣ лекціи въ этомъ заведеніи, на что я согласился съ большою неохотою.

Въ кругу профессорскомъ я вообще мало вращался, будучи

сильно поглощенъ кабинетною дѣятельностью. О тогдашнемъ состояніи университета св. Владимира могу сказать только, что онъ въ то время не избѣгалъ недостатковъ, общихъ всѣмъ нашимъ провинціальнымъ университетамъ того времени, но въ немъ меньше вкралось той нравственной язвы, которая одолѣвала харьковскій университетъ, гдѣ большая часть профессоровъ держали у себя на квартирахъ студентовъ, брали съ нихъ тройную цѣну и за то проводили ихъ на степени обыкновенно недостойнымъ образомъ, такъ какъ всегда почти у профессоровъ квартировали плохіе студенты. Нельзя сказать, чтобы кievскій университетъ былъ совсѣмъ чистъ отъ этихъ злоупотребленій, но въ меньшей степени былъ зараженъ ими, чѣмъ харьковскій: по крайней мѣрѣ число профессоровъ, державшихъ у себя на квартирахъ студентовъ, въ Кіевѣ не составляло большинства, какъ въ Харьковѣ. Собственно по отношенію къ достоинству преподаванія, въ Кіевѣ можно было указать на нѣсколько бездарностей, но также отмѣтить между профессорами и нѣсколько лицъ, съ честью занимавшихъ кафедры. Въ нашемъ факультетѣ нельзя было безъ уваженія отнестись о профессорѣ Нейкирхѣ, читавшемъ греческій языкъ и греческую словесность; это былъ истинный нѣмецъ «Gelehrter», вѣчно преданный наукѣ, честный человекъ и чрезвычайно строгій цѣнитель студентскихъ дарованій и успѣховъ. Студенты, занимавшіеся его предметомъ, очень уважали эту личность. Почти то же можно сказать о профессорѣ латинскаго языка, также нѣмцѣ, Делленѣ. Русская словесность была въ рукахъ Селина, ученика и послѣдователя Шевырева; онъ высказывалъ московско-славянофильскія идеи, которыя, впрочемъ, мало находили себѣ сочувствія у его слушателей, а тонъ его чтенія, постоянно старавшійся казаться восторженнымъ, принимался за афектацію. Профессоръ всеобщей исторіи Ставровскій былъ человекъ, обладавшій большою памятью, но почти незнакомившій своихъ слушателей съ современными способами обработки исторіи и критикою источниковъ; въ его преподаваніи, какъ замѣчали студенты, слышалось что-то семинарское. Профессоръ философіи Новицкій пользовался между студентами хорошою репутаціею знатока своего предмета и способнаго передавателя свѣдѣній. Бывшій профессоръ русской словесности М. А. Максимовичъ въ то время уже выбылъ изъ университета, но живя въ своемъ хуторѣ близъ Золотоноши, часто пріѣзжалъ въ Кіевъ, гдѣ видѣлся со мною. Это былъ человекъ, правду сказать, не большой учености, но очень умный и безпристрастный въ тѣхъ частяхъ, которыя были ему хорошо знакомы. Бесѣды съ нимъ были вообще пріятны и вовсе не давали повода сдѣлать такой приговоръ о без-

дарности, какимъ уже послѣ его смерти такъ несправедливо уго-стилъ его Кулишъ, имѣвшій, по личнымъ своимъ отношеніямъ къ нему, менѣе чѣмъ кто нибудь другой права наложить на него сѣрое пятно бездарности. Въ юридическомъ факультетѣ видное мѣсто занималъ Иванишевъ, впрочемъ не столько по преподаванію, сколько по издательской своей дѣятельности, такъ какъ онъ занимался редакціею письменныхъ памятниковъ, которые начала тогда печатать Временная коммиссія для разбора актовъ, учрежденная въ Кіевѣ при генераль-губернаторѣ, которой членомъ сдѣланъ былъ и я, взявши на себя изданіе лѣтописей Величка. — — — Студенты по своему настроенію рѣзко выдѣлялись въ двѣ партіи: русскую и польскую. Симптомы національной враждебности, которые такъ рѣзко отличали кіевскій университетъ впослѣдствіи, тогда еще были въ зародышѣ или по крайней мѣрѣ не смѣли проявляться слишкомъ рельефно при зоркомъ наблюденіи генераль-губернатора Д. Г. Бибикова. — — —

Тогдашнее стремленіе правительственныхъ элементовъ къ обру-сѣнію края произвело то, что поляки не смѣли себя называть поляками, а называли католиками, что выходило забавно: слово «католикъ» въ Кіевскомъ краѣ теряло свое повсемѣстное значеніе вѣроисповѣданія и стало означать какъ бы какую-то національность; но, отличая себя католикомъ, полякъ, однако, ни за что бы не назвалъ себя русскимъ, потому что въ этомъ краѣ и слово «русскій», наоборотъ, перешло какъ бы въ значеніе вѣроисповѣданія. Этимъ собственно только и ограничивалось тогдашнее обру-сѣніе. Поляки все-таки исключительно говорили по-польски и не хотѣли знать по-русски; пріобрѣтая знаніе русскаго языка по неволѣ въ училищѣ, полякъ считалъ какъ бы нравственною необходимою поскорѣ забыть его. Интеллигентный языкъ во всемъ краѣ былъ исключительно польскій и даже крестьяне по-неволѣ должны были усваивать его. Иначе и быть не могло тамъ, гдѣ огромная масса малорусскаго православнаго народа оставалась въ поработѣнн у польскихъ пановъ-католиковъ и гдѣ самый законъ имперіи давалъ послѣднимъ столько правъ надъ первыми.

Судя по экзаменамъ, какъ вступительнымъ, такъ и переводнымъ, я имѣлъ случай вывести заключеніе, что поляки вступали въ университетъ съ лучшею подготовкою, чѣмъ русскіе, и это зависѣло уже не отъ школьнаго ученія, а отъ первоначальнаго домашняго воспитанія. Малорусское юношество, уроженцы лѣвой стороны Днѣпра, за исключеніемъ немногихъ, одаренныхъ особыми выдающимися талантами, отличались какою-то туповатостью, лѣнью и апатіею къ умственному труду. Вообще кіевскіе

студенты того времени мало принимаемы были и въ обществѣ, за исключеніемъ немногихъ сыновей богатыхъ помѣщиковъ, или вліятельныхъ особъ. Между профессорами и студентами также мало было интимнаго сближенія, да и начальство видимо не желало его, а поддерживало въ профессорахъ потребность держать себя съ начальническимъ тономъ. Были даже примѣры, что профессора дѣлались замѣчанія, что они обращаются за-панибрата со студентами, указывалось профессорамъ, что этимъ они равняютъ свое достоинство. Такое замѣчаніе получилъ и я вслѣдствіе того, что началъ приглашать къ себѣ по вечерамъ студентовъ, въ которыхъ замѣчалъ особую склонность къ читаемому мною предмету. Причиною тому былъ господствующій тогда духъ субординаціи и боязнь возникновенія политическаго вольнодумства, которое, какъ полагали начальствующія лица, могло явиться въ молодежи, близко познакомившейся съ духомъ и задушевными идеями своихъ наставниковъ. Понятно, что при такомъ натянутомъ отношеніи между профессорами и студентами, нельзя было ожидать никакого утѣшительнаго вліянія наставниковъ на учащихся. Профессоръ довольствовался тѣмъ, что отбарабанилъ свою лекцію, мало обращая вниманія, какъ легла на душу слушателей эта лекція и что она пробудила въ ихъ сердцахъ и умѣ, а студентъ считалъ себя выполнившимъ свою обязанность тѣмъ, что вызубрилъ записанную имъ профессорскую лекцію и буквально проговорилъ ее на экзаменѣ, или на репетиціи. Такимъ образомъ, изъ этого очерка духа, господствовавшего въ университетѣ того времени, даже и при нѣкоторыхъ профессорахъ, отличавшихся дарованіемъ и преданныхъ наукѣ, не могло возникнуть ничего живого и богатаго задатками для будущаго.

Наступили рождественскія святки. Въ Кіевъ пріѣхалъ старинный мой знакомый, бывший нѣкогда студентъ харьковскаго университета Савичъ, помѣщикъ гадячскаго уѣзда. Онъ ѣхалъ въ Парижъ. Въ первый день Рождества мы сошлись съ нимъ у Гулака на Старомъ Городѣ въ домѣ Андреевской церкви. Кромѣ него, гостемъ Гулака былъ Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи. Мы разговаривали, не стѣняясь и не подозрѣвая, чтобы наши рѣчи кто нибудь слушалъ за стѣной съ цѣлью перетолковать ихъ въ дурную сторону, а между тѣмъ, такъ было. — — Бѣлозерскаго уже не было въ Кіевѣ; онъ отправился въ Полтаву учителемъ въ кадетскій корпусъ. — — —

Около этого же времени познакомился со мною извѣстный польскій археологъ, графъ Свидзинскій, и узнавши, что я занимаюсь Хмельницкимъ, привезъ мнѣ въ подлинникѣ и въ спискѣ съ

подлинника лѣтопись Герлица, позволивъ мнѣ пользоваться ею для своей исторіи, а затѣмъ далъ обѣщаніе и на будущее время доставлять мнѣ рукописные матеріалы, относящіеся къ исторіи козаковъ, а этихъ матеріаловъ у него было много.

Въ концѣ января я разстался съ Гулакомъ и съ Шевченкомъ; первый уѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ держать тамъ магистерскій экзаменъ, второй—къ своему пріятелю Виктору Забѣлѣ въ Борзну.

Февраля 13 я обручился съ дѣвицею Алиною Леонтьевною Крагельскою, которую зналъ еще въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянь, гдѣ преподавалъ съ 1845 года. Послѣ выхода ея изъ пансіона увидѣлся я съ нею и познакомился съ ея матерью въ Одессѣ, куда лѣтомъ ѣздилъ купаться въ 1846 году, а по возвращеніи въ Кіевъ нѣсколько времени посѣщалъ ихъ домъ, сблизился и узналъ ее покороче. Свадьба наша назначена была послѣ Пасхи въ Оминое воскресенье, 30 марта 1847 года.

Между тѣмъ, въ началѣ марта пріѣхалъ въ Кіевъ Кулишъ, который передъ тѣмъ только что женился на дѣвицѣ Бѣлозерской, сестрѣ моего пріятеля Василя. За Кулишомъ черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ изъ Полтавы и Бѣлозерскій; онѣ покинуль должность учителя въ корпусѣ и вмѣстѣ съ Кулишомъ собрался ѣхать за-границу, куда Кулиша посылали отъ Академіи наукъ для изученія славянскихъ языковъ, съ цѣлью подготовленія его къ кафедрѣ. Оба, пробывши нѣсколько дней въ Кіевѣ, уѣхали въ предначертанный путь черезъ Варшаву.

Находя бывшую свою квартиру тѣсною и неудобною для предстоящей семейной жизни, я перешолъ на другую на Старомъ же Городѣ, въ домъ Моньки, близъ Андреевской церкви. Квартира эта отличалась превосходнымъ видомъ; съ галлерей открывался прекрасный пейзажъ; внизу разстилался Подоль, далѣе—свѣтлая полоса Днѣпра, а за нею—обширная панорама луговъ и лѣсовъ. Домъ этотъ, деревянный, былъ только что отстроенъ.

Наступила Пасха. Весна была въ то время ранняя: Благовѣщеніе приходилось во вторникъ Пасхи и уже въ то время можно было ходить въ однихъ сюртукахъ; луга зеленѣли, развивались вербы. Приближался день моей свадьбы, и я къ нему готовился, не подозревая, что надъ моей головою собирается туча, изъ которой долженъ постигнуть меня ударъ.

V.

Жизнь въ Саратовѣ.

Въ Саратовѣ я былъ опредѣленъ въ должность переводчика при Губернскомъ правленіи, съ жалованьемъ 350 рублей въ годъ; переводить было нечего и я только числился на службѣ. Губернаторъ поручилъ мнѣ въ своей канцеляріи завѣдываніе сначала уголовнымъ столомъ, а потомъ — секретнымъ; въ послѣднемъ производились дѣла преимущественно раскольниковъ, что для меня было довольно любопытно. Тутъ я увидѣлъ строгія преслѣдованія и стѣсненія раскольниковъ, бывшія въ силѣ при архіерействѣ Іакова, недавно передъ тѣмъ переведеннаго въ Нижній. Занятіе сектантскими дѣлами влекло меня къ ознакомленію съ міромъ раскольниковымъ, но это было не такъ-то легко: съ одной стороны, при крайней сосредоточенности, какою отличаются сектанты въ сношеніяхъ съ чиновниками; съ другой, при моемъ положеніи ссылочнаго, близкія сношенія съ раскольниками могли бы возбудить подозрѣніе начальства. Я успѣлъ, однако, на первыхъ порахъ познакомиться съ однимъ раскольниковымъ семействомъ, имѣвшимъ подъ городомъ садъ, куда я сталъ ѣздить для прогулки. Раскольники эти принадлежали къ поморской сектѣ и здѣсь-то я впервые узналъ объ основаніяхъ, на которыхъ держится эта секта и вообще вся безпоповщина.

Мало-по-малу случай сводилъ меня на знакомство съ жителями города, въ средѣ которыхъ нашелъ я нѣсколько образованныхъ семей, гдѣ были люди съ университетскимъ образованіемъ. На слѣдующій годъ я познакомился и сошелся съ кружкомъ сосланныхъ поляковъ. Это были люди развитые и мнѣ было пріятно въ ихъ обществѣ, хотя ихъ польскій патріотизмъ не разъ наталкивался на мои русскія симпатіи и подавалъ поводъ къ горячимъ, хотя и пріятельскимъ спорамъ. Одинъ изъ этихъ поляковъ, Мелянтовичъ, сталъ моимъ душевнымъ пріателемъ, потому что въ немъ одномъ польскій патріотизмъ уступалъ мѣсто идеѣ славянской взаимности и не доходилъ до той враждебности ко всему русскому, какою вообще отличались поляки. Этотъ молодой человекъ, въ послѣдствіи умершій отъ холеры, не дождавшись своего освобожденія, представлялся мнѣ типомъ того поляка, который, какъ мнѣ казалось, могъ быть только до введенія іезуитовъ, исказившихъ польское воспитаніе и создавшихъ въ полякѣ хитрость и двоедушіе, что такъ несвойственно было ихъ прежней славянской натурѣ.

Между тѣмъ, пришла мнѣ мысль продолжать исторію Богдана Хмельницкаго и я написалъ письмо къ графу Свидзинскому, зная, что онъ имѣетъ богатую библіотеку, и просилъ его присылать мнѣ матеріалы для окончанія извѣстнаго ему моего труда. Графъ принялъ мою просьбу такъ любезно, какъ я и не надѣялся: присылалъ мнѣ одну за другою изъ своей библіотеки латинскія и польскія книги, служащія источниками для эпохи Хмельницкаго. Съ помощью этихъ сочиненій я имѣлъ возможность не только продолжать свое историческое сочиненіе, но даже и привести его въ такой видъ, въ какомъ оно нуждалось только въ дополнительной обработкѣ, а это послѣднее дѣло я оставлялъ на то время, когда буду свободенъ и найду возможность ѣхать въ такія мѣста, гдѣ находятся библіотеки и архивы.

Несмотря на всѣ тогдашнія занятія, я сильно хандрить и хандра отозвалась на моихъ нервахъ: у меня возобновилась прежняя мнительность и склонность преувеличивать свои недуги, или же даже создавать небывалые. Я сталъ лечиться; но такъ какъ въ Саратовѣ не было опытныхъ и искусныхъ врачей, то я попадался въ руки такимъ эскулапамъ, которые стали меня пичкать произведеніями латинской кухни, и я, отъ страха болѣзней, какихъ у меня не бывало, нажилъ себѣ дѣйствительныя болѣзни—неизбѣжныя слѣдствія ядовитыхъ веществъ, какими меня угощали. Такимъ образомъ, однажды мнѣ дали чай изъ валеріаны; послѣ двухъ стакановъ у меня началось головокруженіе; я выскочилъ на воздухъ и упалъ на землю; кругомъ меня все вертѣлось: крыши домовъ, вершины колоколенъ и даже отдаленныя горы; на мое счастье, шедшая мимо женщина догадалась, что мнѣ дурно, и дала мнѣ нѣсколько ударовъ въ спину; со мною началась сильная рвота, возобновлявшаяся раза четыре и только это спасло меня, иначе, какъ говорили потомъ врачи, у меня сдѣлался бы приливъ крови къ мозгу и апоплексическій ударъ.

Съ этихъ поръ на нѣкоторое время я устранилъ себя отъ занятій исторіею, вдаваясь въ чтеніе физическихъ и астрономическихъ сочиненій, прочелъ съ большимъ наслажденіемъ Гумбольдта и до крайности увлекся астрономіею. Весною въ 1852 году я познакомился съ Анной Никаноровной Пасхаловой, впоследствии вышедшей замужъ за Д. Л. Мордовцева. Это была женщина чрезвычайно любознательная и увлекающаяся; ее, какъ и меня, занимала въ то время астрономія. Къ нашему удовольствію, въ Саратовѣ временно проживалъ странствующій оптикъ Эдельбергъ (въ настоящее время живущій въ Харьковѣ). У него, между прочимъ, былъ очень хорошій астрономическій телескопъ и, поль-

зуюсь этимъ обстоятельствомъ, мы ѣздили къ нему практически наблюдать и повѣрять прочитанныя нами свѣденія о строеніи и теченіи небесныхъ тѣлъ. Лѣтомъ, по представленію губернатора, я былъ отпущенъ въ Крымъ, чѣмъ былъ обязанъ милости нынѣшняго Государя Императора, который во время отсутствія родителя управлялъ дѣлами государства. Я ѣхалъ черезъ Таганрогъ, гдѣ, опоздавши къ отплытію парохода, принужденъ былъ дожидаться новаго пароходнаго рейса цѣлыхъ девять дней. На пароходѣ отъ Таганрога до Керчи я встрѣтилъ харьковскаго профессора медика Альбрехта съ однимъ французомъ, пансіоносодержателемъ въ Харьковѣ, и съ однимъ помѣщикомъ изъ Харьковской губерніи. Мы условились проѣхать вмѣстѣ по южному берегу; къ намъ присталъ учитель французскаго языка въ екатеринодарской гимназіи Аморетти, родомъ итальянецъ изъ Милана, пріѣхавшій въ отрочествѣ въ Россію и потомъ учившійся въ харьковскомъ университетѣ. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ, познакомился съ малорусскою народностью и сердечно полюбилъ ее. Въ Керчи мы остановились на четыре дня и получили приглашеніе присутствовать при раскопкѣ одного древняго кургана. Раскопкой завѣдывалъ тогда художникъ Бѣгичевъ; при той же раскопкѣ былъ пріѣхавшій въ Керчь одесскій профессоръ Н. Н. Мурзакевичъ. Когда раскопанъ былъ одинъ курганъ и открылся въ глубину его склепа узкій входъ, черезъ который можно было только пролѣзть ползкомъ, я вмѣстѣ съ Мурзакевичемъ спустился туда. Мы очутились въ подземномъ склепѣ, на столько высокомъ, что можно было безопасно стоять въ немъ; мы увидали груду жженныхъ костей, разложенныхъ на земляномъ прилавкѣ; въ головахъ скелета была глиняная амфора, которую мы вынесли съ собою и передали Бѣгичеву для музея. Болѣе ничего тамъ не найдено. Мы объѣздили окрестности Керчи, посѣтили Царскій курганъ, давно уже разрытый, и входили въ его средину, представляющую пещеру съ внятообразнымъ сводомъ; потомъ посѣщали Золотой курганъ, находящійся за городомъ на противоположной сторонѣ отъ Царскаго, но не могли спуститься въ его внутренность, потому что она недавно завалилась. Разѣзжая по окрестностямъ Керчи, мы заѣхали въ Еникале, гдѣ попробовали знаменитаго еникальскаго балыка, который дѣйствительно отличается необыкновенно хорошимъ вкусомъ. Изъ Керчи отправились мы въ Феодосію, гдѣ пробыли только нѣсколько часовъ, и слѣдовали далѣе по морю до Ялты. Не останавливаясь въ этомъ городѣ, мы взяли почтовую тройку, наняли сверхъ того верховыхъ лошадей и двинулись въ путь на западъ, предпола-

живши заѣзжать въ болѣе живописныя дачи, расположенныя по берегу Чернаго моря. Первымъ мѣстомъ, куда мы заѣхали, была Ливадія, принадлежавшая тогда графу Северину Потоцкому; дворецъ его былъ устроенъ и убранъ въ античномъ, греческомъ вкусѣ. Передъ крыльцомъ дворца былъ разведенъ цвѣтникъ, чрезвычайно богатый видами растений и изящный. Изъ Ливадіи мы проѣхали въ обѣ Оріанды, заѣхали на дачу князя Мещерскаго, гдѣ гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ завтракомъ, а оттуда прибыли въ Алупку. Въ то время не было еще тамъ построенной послѣ гостиницы; содержалъ нѣчто въ родѣ таверны какой-то французъ, страдавшій страстію къ запою. Здѣсь съ насъ содрали неимоверно-дорогую цѣну за плохо-приготовленный обѣдъ и за ночлегъ на сѣнѣ и соломѣ. Наше неудобство помѣщенія выкупалось наслажденіемъ, какое мы испытывали въ превосходномъ саду, устроенномъ чрезвычайно изящно и съ соблюденіемъ необыкновенной близости къ природѣ и совершеннаго отсутствія искусственности. Я пожалѣлъ только, что не могъ остаться въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. На другой день, еще разъ обошедши значительную часть сада и полюбовавшись всѣми его прелестями, мы отправились на почтовыхъ далѣе и такимъ образомъ проѣхали черезъ Байдарскія ворота и Байдарскую долину до Балаклавы, куда прибыли на восходѣ солнца въ слѣдующій день. Наша медленность произошла оттого, что мы въ дорогѣ почти на каждомъ сколько нибудь живописномъ мѣстѣ вставали и любовались видами. Взошедши на гору въ Балаклавѣ, мы осмотрѣли стоящія на ней генуэзскія башни; потомъ спустились внизъ, купались въ заливѣ, и сѣвши на тележку, отправились въ Севастополь. Въ этомъ городѣ мы нашли самый радушный пріемъ: познакомившійся съ нами на пароходѣ во время плаванія отъ Керчи до Ялты лейтенантъ Варницкій (впослѣдствіи убитый во время войны), сынъ одного изъ адмираловъ, доставилъ намъ возможность осмотрѣть нѣсколько кораблей. На каждомъ изъ нихъ мы были привѣтствуемы обществомъ флотскихъ офицеровъ, оказывавшихъ намъ чрезвычайное радушіе и внимательность. Затѣмъ мы осмотрѣли библіотеку и обсерваторію; потомъ обходили сухіе доки и пошатались по улицамъ. Городъ былъ красивъ, хотя бѣлая пыль, покрывавшая его улицы, невольнo наводила скуку. Никто изъ насъ не могъ въ то время предчувствовать, что отъ всего видѣннаго нами черезъ три года не останется ничего, кромѣ развалинъ и печальныхъ слѣдовъ разрушенія, какіе мнѣ привелось увидѣть спустя послѣ того восемнадцать лѣтъ. Харьковскіе товарищи моего путешествія

уплыли изъ Севастополя въ Одессу, а я вмѣстѣ съ Аморетти уѣхалъ на почтовыхъ въ Бахчисарай, гдѣ мы переночевали и, осмотрѣвши ханскій дворецъ, пустились въ Феодосію. У Аморетти тамъ жили родные, а я хотѣлъ тамъ купаться. Мое купанье въ Феодосіи продолжалось, однако, не долго: скука и грусть, возбуждаемая чрезвычайнымъ зноемъ, одиночествомъ и пустынною мѣстностью, до того вывели меня изъ терпѣнія, что я покинулъ купанье и уѣхалъ черезъ Керчь и Таганрогъ назадъ въ Саратовъ, куда и прибылъ въ первыхъ числахъ августа.

По прїѣздѣ въ Саратовъ, симпатіи мои отъ астрономіи обратились къ этнографіи, и мы съ г-жею Пасхаловою вздумали собирать мѣстные народныя пѣсни. Такимъ образомъ во мнѣ разомъ пробудилась склонность къ тому, къ чему я съ такимъ же увлеченіемъ предавался назадъ тому лѣтъ десять въ другомъ краѣ. Я очень часто ѣздилъ къ г-жѣ Пасхаловой въ деревню, отстоявшую отъ города за восемь верстъ, гдѣ мы приглашали простонародныхъ мужчинъ и женщинъ, заставляли пѣть пѣсни и записывали ихъ; кромѣ того, въ самомъ городѣ я преусердно ходилъ всюду, гдѣ только могъ найти себѣ пѣсенную добычу, и такимъ образомъ познакомился съ народною великорусскою поэзіею, которую до того времени зналъ только по книгамъ.

Весною 1853 года Анна Никаноровна уѣхала въ Петербургъ, а я съ тѣхъ поръ принялся за иную работу: я перебралъ все, что могъ найти печатнаго изъ актовъ и документовъ, касающихся внутренняго русскаго быта прошедшихъ временъ, и дѣлалъ выписки и замѣтки на особыхъ билетахъ, составляя изъ нихъ отдѣленія, касающіяся разныхъ отраслей исторической жизни. Это занятіе потянулось на года и увлекало меня до конца моего пребывания въ Саратовѣ. Въ это время, по случаю продажи дома моимъ бывшимъ хозяиномъ, я перешелъ на иную квартиру, въ домъ консисторскаго чиновника Прудентова и оставался тамъ уже до конца, занимая за сто рублей серебромъ въ годъ шесть свѣтлыхъ комнатъ во второмъ этажѣ, съ прекраснымъ видомъ на Волгу и на далекое, живописное городище бывшаго нѣкогда татарскаго города Увѣка или Укѣка. Моя квартира вся была заставлена превосходными тепличными растеніями: бананами, спарманіями, пальмами и другими; все это я купилъ въ прекрасной оранжереѣ Стобеуса и довольно дешево, какъ и вообще жизнь въ Саратовѣ отличалась чрезвычайною дешевизною. Ассигнуя какой нибудь рубль, можно было имѣть отличный обѣдъ съ ухой изъ свѣжихъ стерлядей, съ холодной осетриной, жареными цыплятами и фруктами для десерта. Стерляди и осетры продавались живыми.

Съ 1853 года начались для меня нѣкоторыя непріятности. Въ Саратовѣ произошло замѣчательное событіе: пропало, одинъ за другимъ, двое мальчиковъ, оба найдены были мертвыми съ видимыми признаками истязанія: одинъ въ мартѣ на льду, другой—въ апрѣлѣ на островѣ. Всеобщее подозрѣніе падало на евреевъ, вслѣдствіе старинныхъ слуховъ о пролитіи евреями христіанской дѣтской крови. Присланный изъ Петербурга по этому дѣлу чиновникъ Д. потребовалъ отъ губернатора чиновника, знающаго иностранные языки и кромѣ того знакомаго съ исторіей. Губернаторъ откомандировалъ къ нему меня. Прежде всего мнѣ дали для перевода странную книгу: это были переплетенные вмѣстѣ, печатные и писанные отрывки неизвѣстно откуда на разныхъ языкахъ, заключавшіе въ себѣ официальные документы о неоправданіи іудеевъ въ возводимомъ на нихъ подозрѣніи въ пролитіи христіанской дѣтской крови. Тутъ были и папскія буллы, и декреты разныхъ королей, и постановленія сенатовъ, и циркуляры министровъ. Книгу эту нашли у одного еврея. Послѣ перевода этой книги, меня просили составить ученую записку: опытіе рѣшенія вопроса: есть ли какое нибудь основаніе подозрѣвать евреевъ въ пролитіи христіанской дѣтской крови. Такъ какъ для этого нужны мнѣ были пособія, то при посредствѣ Д. я и получилъ ихъ отъ саратовскаго преосвященнаго Аѳанасія. — — — Множество папскихъ буллъ и королевскихъ декретовъ, которые евреи собирали и хранили такъ усердно, показываетъ, что было нѣчто такое, что вынуждало явленія этихъ документовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ официальныхъ памятниковъ, которыми евреи себя оправдывали, давалась тогда, когда дававшіе ихъ явно нуждались въ деньгахъ. Такъ, напримѣръ, выдавали ихъ папы, находясь въ войнахъ съ императорами, польскіе короли, которые, какъ извѣстно, постоянно нуждались въ деньгахъ, и т. д. Но когда губернаторъ узналъ о томъ, что я написалъ, то призвалъ меня къ себѣ и началъ грозить, что онъ меня засадитъ въ острогъ и напишетъ куда слѣдуетъ о моей неблагонадежности, чтобы меня послали куда нибудь подальше и въ худшее мѣсто. Дѣло въ томъ, что губернаторъ допустилъ противозаконно проживать евреямъ въ великорусской губерніи, гдѣ имъ не дозволялось жить, опасаясь со стороны присланнаго чиновника подѣя себя подкупа и не хотѣлъ, чтобы правительство признало подозрѣніе на евреевъ сколько нибудь основательнымъ.

На слѣдующій годъ въ саратовской администраціи произошла большая перемѣна: губернаторъ былъ отставленъ; за нимъ то же послѣдовало со многими другими чиновниками; пріѣхалъ новый

губернаторъ Игнатъевъ и новый вице-губернаторъ; послѣднимъ назначенъ тотъ же самый Д., который въ предшествовавшемъ году производилъ слѣдствіе; къ достиженію этой должности ему, какъ я слышалъ, помогло мое сочиненіе, которое въ министерствѣ признали за его собственное и сочли его ученымъ человѣкомъ. Но въ должности вице-губернатора ему пришлось быть не долго: не болѣе какъ черезъ годъ онъ былъ замѣщенъ другимъ.

Въ 1854 году мною собиралось новое несчастіе, которое, однако, миновало меня. Я отдалъ напечатать собранныя мною пѣсни въ Саратовскія Губернскія Вѣдомости, не подписывая моего имени. Печатаніе всѣхъ пѣсень еще не было окончено, какъ вдругъ изъ Петербурга получается бумага, гдѣ извѣщается, что высшая правительственная власть замѣтила, что въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ печатаются некстати народныя пѣсни непристойнаго содержанія, причемъ противъ одной пѣсни было замѣчено: «мерзость, гадость; если такія пѣсни существуютъ, то дѣло губернскаго начальства искоренять ихъ, а не распространять посредствомъ печати». Это замѣчено противъ слѣдующихъ стиховъ въ одной пѣснѣ:

„Дѣвчоночка молода раздогадлива была,
Черноброва черноглаза парня засушила,
Присушила русы-кудри ко буйной головѣ,
Заставила шататься по чужой сторонѣ,
Приневолила любить чужемужнихъ жонъ.
Чужемужни жоны—лебедушки бѣлы,
А моя шельма жена—попынь горькая трава.“

Вслѣдствіе этого повелѣно было цензора, пропустившаго пѣсни, отставить отъ должности съ лишеніемъ пенсіона. Цензоромъ былъ директоръ саратовской гимназіи, который, однако, съумѣлъ отпиться и оправдаться. Я думалъ, что доберутся и до меня, но меня не спрашивали. Вслѣдъ за тѣмъ случились новыя непріятности. Пріѣхалъ въ Саратовъ новый полиціймейстеръ, отличившійся тѣмъ, что на первыхъ же порахъ, желая угодить начальству, неблагосклонно взглянувшему на пѣсни, ѣздилъ по городу съ казакомъ и приказывалъ бить плетью людей, которыхъ заставлялъ съ гармониками поющихъ пѣсни. Въ началѣ 1855 года, вскорѣ послѣ своего пріѣзда, онъ приказалъ собраться въ полицію всѣмъ состоящимъ подъ ея надзоромъ; я былъ позванъ въ числѣ прочихъ и увидѣлъ, кромѣ знакомыхъ мнѣ сосланныхъ поляковъ, нѣсколько мужчинъ и женщинъ, содержавшихся подъ надзоромъ не за политическія дѣла, но за всякаго рода преступленія и проступки. Тутъ

были, какъ я узналъ, и содержательницы домовъ терпимости и оставленные въ подозрѣнія по разнымъ уголовнымъ дѣламъ, между прочимъ и по тому еврейскому дѣлу, которое не такъ давно принесло мнѣ столько неудовольствія. Полиціймейстеръ, вошедши съ грознымъ, начальническимъ видомъ, началъ читать всѣмъ составленныя имъ правила, заключавшія въ себѣ разныя наставленія о добропорядочномъ поведеніи, напримѣръ: не ходить по кабакамъ, по зазорнымъ домамъ, не буянить, не пьянствовать до безобразія и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ навязывалъ на всѣхъ обязанность не выѣзжать за городскую черту, ни съ кѣмъ не сноситься и не вести корреспонденціи иначе, какъ съ его вѣдома и разрѣшенія. Прочитавши такое нравоученіе, онъ требовалъ, чтобы всѣ давали подписку въ соблюденіи начертанныхъ имъ правилъ. Призванные стали подписываться. Къ удивленію моему я увидалъ, что поляки, содержавшіеся по политическимъ дѣламъ, также безропотно подписывались. Когда же очередь дошла до меня, я сказалъ, что давать такой подписки не стану, потому что хотя я и состою подъ надзоромъ, но подъ особымъ и по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ на службу, въ которой и нахожусь. «Всѣ ваши товарищи подписались», загремѣлъ полиціймейстеръ, указывая на собранную имъ разнообразную публику. «Я не могу» — сказалъ я, «обязываться не выѣзжать безъ вашего позволенія изъ города, когда, быть можетъ, губернаторъ пошлетъ меня по какому нибудь дѣлу, секретному и для васъ; также и переписки своей не буду открывать вамъ.» Полиціймейстеръ разъярился и затопалъ на меня ногами, но я сказалъ ему: «г. полиціймейстеръ, вы на меня не топайте; я вижу, что вы не совсѣмъ понимаете вашу обязанность по отношенію ко мнѣ: я присланъ сюда подъ особый надзоръ и въ совершенномъ секретѣ, слѣдовательно вы можете секретно слѣдить за мною, но не должны были призывать меня сюда въ присутствіи многихъ, незнакомыхъ мнѣ лицъ и такимъ образомъ публиковать о моемъ секретномъ нахожденіи подъ надзоромъ; если вамъ угодно, спросите прежде губернатора, и когда мнѣ онъ прикажетъ давать вамъ какую нибудь подписку, тогда дѣло иное». — «Поѣдьте къ губернатору», — сказалъ онъ, вышелъ, мы сѣли съ нимъ въ сани и отправились къ губернатору Игнатьеву. Полиціймейстеръ вошелъ къ нему въ кабинетъ, оставивъ меня въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ губернаторъ и пригласилъ меня въ кабинетъ, а полиціймейстеръ уѣхалъ. Губернаторъ принялъ меня ласково и просилъ извинить полиціймейстера, «который еще вновь и не знаетъ вашего положенія», сказалъ онъ. Затѣмъ губернаторъ предложилъ мнѣ принять на себя

званіе дѣлопроизводителя статистическаго комитета, что мнѣ должно было дать 300 рублей прибавки къ получаемому мною содержанію. Въ заключеніе всего губернаторъ, по моей просьбѣ, обѣщалъ исходатайствовать мнѣ если не совершенную свободу отъ всякаго надзора, то по крайней мѣрѣ право съѣздить въ Петербургъ на четыре мѣсяца для полученія денегъ моей матери, хранящихся въ опекунскомъ совѣтѣ. Надобно сказать, что еще въ 1848 году мать моя положила въ опекунскій совѣтъ 1500 рублей; въ то же время какой-то крестьянинъ Правдинъ, стоявшій за нею, увидалъ нумеръ безыменнаго билета и подалъ объявленіе о его утратѣ, будто бы случившейся въ самомъ опекунскомъ совѣтѣ въ день взятія билета. Пошло уголовное дѣло и кончилось въ пользу моей матери. Постановленіемъ уголовной палаты определено было: отдать билетъ моей матери. Теперь надлежало взять изъ уголовной палаты копію съ рѣшенія дѣла и съ этой копіей потребовать денегъ изъ опекунскаго совѣта съ накопившимися процентами.

Послѣ этого свиданія съ губернаторомъ я началъ заниматься статистикою Саратовскаго края въ званіи дѣлопроизводителя статистическаго комитета, а между тѣмъ продолжалъ мои занятія по внутренней русской исторіи, по прежнему выписывая мѣста изъ актовъ и всякихъ документовъ, какіе только могъ найти въ печатномъ видѣ въ Саратовѣ. Тогда же я занялся разборомъ рукописей, находившихся въ саратовскомъ соборѣ, забранныхъ въ разное время у раскольниковъ и въ числѣ этихъ рукописей нашелъ превосходный и полный списокъ Стоглава, самый старѣйшій и самый правильный изъ всѣхъ, какіе мнѣ случалось видѣть послѣ того. Въ маѣ, въ томъ же году, возвратилась изъ Петербурга моя давняя знакомая Анна Никаноровна, уже не г-жа Пасхалова, а г-жа Мордовцева; она пріѣхала съ молодымъ мужемъ, только что кончившимъ курсъ въ с-петербургскомъ университетѣ съ званіемъ кандидата и съ золотою медалью. Первое знакомство съ нимъ сдѣлало на меня самое пріятное впечатлѣніе: я скоро съ нимъ сблизился и на всегда подружился. Близость наша поддержалась тогда и тѣмъ, что онъ, скоро послѣ своего пріѣзда, получилъ мѣсто помощника дѣлопроизводителя въ статистическомъ комитетѣ, а какъ дѣлопроизводителемъ былъ я, то у насъ явились общіе интересы.

Въ іюлѣ того же года Саратовъ былъ пораженъ замѣчательнымъ несчастіемъ. 22 іюля разнесся въ городѣ слухъ, что городъ будутъ жечь въ продолженіе недѣли и сожгутъ до тла. И въ самомъ дѣлѣ 24 числа вспыхнулъ пожаръ на краю города у машинной фабрики, и не успѣла пожарная команда явиться туда, какъ

огонь показался на противоположной части города разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ восьми часовъ утра до четырехъ часовъ вечера истреблено было 500 дворовъ. Это произвело такой панический страхъ на жителей, что они стали выбираться изъ домовъ и располагаться за городомъ въ полѣ, а нѣкоторые—въ лодкахъ на Волгѣ. Рано утромъ 25 числа вспыхнулъ пожаръ рядомъ съ моей квартирой, и дому, гдѣ я жилъ, угрожало пламя. Моя матушка, подчиняясь общему страху и желая спасти болѣе цѣнную движимость, вмѣстѣ съ прислугою вышла въ поле, а я пока остался въ квартирѣ. Въ тотъ же день было нѣсколько пожаровъ въ разныхъ мѣстахъ города. 26 іюля, на солнечномъ восходѣ, опять загорѣлось по соседству со мною, въ томъ же дворѣ, гдѣ и прежде, но въ другомъ строеніи. На этотъ разъ пламя уже достигло до оконъ моей квартиры. Ко мнѣ вбѣжали незнакомые люди, предлагая выносить пожитки, но въ моей квартирѣ оставалось только немного мебели и кадки съ растеніями; я не позволилъ ничего выносить, соображая, что если растенія вынесутъ, то ихъ переломаютъ и они, все равно, пропадутъ. Ожидая съ секунды на секунду, что огонь ворвется ко мнѣ въ окно, я связалъ свои бумаги, именно: тетрадь съ исторіею Хмельницкаго и кипу выписокъ изъ актовъ и собирался уходить съ своею ношею за-городъ къ матушкѣ, какъ прибѣжали ко мнѣ нѣсколько знакомыхъ; они удивлялись, что я такъ хладнокровно остаюсь въ своемъ помѣщеніи, когда мнѣ угрожаетъ огонь, но я, засмѣявшись, указалъ имъ на свои бумаги и припомнилъ извѣстное выраженіе бѣжавшаго изъ пылающаго города греческаго ученаго: «omnia mea tecum porto» (все свое несу съ собою). Однако пожаръ былъ потушенъ; домъ, въ которомъ я жилъ, не сгорѣлъ. Я вышелъ на улицу и былъ свидѣтелемъ забавной сцены: частный приставъ рассказывалъ народу, что пожары производятъ враги наши «англо-французы» и что одного англо-француза поймали на прибывшемъ пароходѣ. Народъ слѣдовалъ съ довѣрчивостью, воображая, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ народъ, называемый англо-французы.

Въ теченіе этого дня опять случилось нѣсколько пожаровъ. Часовъ въ шесть по-полудни я отправился купаться и на улицѣ встрѣтилъ дикую толпу мѣщанъ, которые вели связаннымъ какого-то молодого человѣка избитаго и залитаго кровью. Двое изъ этихъ мѣщанъ, жительствовавшихъ на одной со мною улицѣ, знали меня и обратились ко мнѣ въ качествѣ посредника или третейскаго судьи въ ихъ дѣлѣ. По распросу моему оказалось, что избитый и связанный молодой человѣкъ былъ грузинъ, учившійся въ саратовской семинаріи; онъ былъ именинникъ, пригласилъ къ

себѣ товарищей и началъ съ ними кутить; хозяйка дома вошла къ веселой компаніи и начала читать правоученія, что грѣшно пить и веселиться въ то время, когда всѣхъ постигло божіе пощеніе: горячій грузинъ не вытерпѣлъ и началъ ее выталкивать; она подняла тревогу, сбѣжался народъ, несчастнаго грузина сочли поджигателемъ—англо-французомъ, и увидя, что въ одномъ мѣстѣ начинается пожаръ, вели его туда съ намѣреніемъ, какъ сами сознавались, бросить его въ огонь, а по дорогѣ къ мѣсту расправы наносили ему удары. Я объяснилъ имъ, что нельзя такъ самовольствовать, что если они его подозрѣваютъ, то должны препроводить къ начальству—и то безъ побоевъ; начальство разберетъ виноватъ ли онъ и если окажется виновнымъ, то виновнаго и постигнетъ наказаніе, указанное закономъ. Мои слова подѣйствовали на разъяренную толпу болѣе чѣмъ я хотѣлъ: грузина развязали и не повели въ полицію, но отпустили на свободу, наградивши его только крѣпкими русскими словами. Пожары стали прекращаться только въ началѣ августа. На счастіе пріѣхалъ въ Саратовъ новый полиціймейстеръ, человѣкъ очень энергическій, принявшійся за дѣло спасенія города усерднѣе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Подкидывались записки такого рода: «Сергѣй Ивановичъ! (одинъ изъ купцовъ домовладѣльцевъ) хоть стереги свой домъ, хоть не стереги, а мы тебя сождемъ. Васька бѣлый пишетъ рукою смѣлой». Однако домъ этого Сергѣя Ивановича остался цѣль. Изъ произведеннаго слѣдствія открылось только два поджога: одинъ произвелъ мальчикъ, учившійся у сапожника; перелѣзши черезъ заборъ въ сосѣдній дворъ, онъ воткнулъ спичку съ огнемъ въ ясли, гдѣ было положено сѣно; произошелъ пожаръ. Впослѣдствіи мальчикъ, обличенный другимъ мальчикомъ, которому онъ открылъ о своемъ преступленіи, показалъ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы посмотреть и полюбоваться, какъ будетъ горѣть. Въ другомъ домѣ пожаръ былъ произведенъ четырнадцатилѣтней дѣвочкой, которую барыня жестоко избила и та, въ припадкѣ досады, сдѣлала поджогъ на чердакѣ дома своей барыни. Не найдено было никакого слѣда партіи какихъ нибудь злоумышленниковъ, дѣйствующихъ заговоромъ по предначертаннымъ цѣлямъ. Въ народѣ, съ голоса полицейскихъ чиновниковъ, толковали объ англо-французахъ, а въ высшихъ кругахъ подозрѣвали поляковъ. Одинъ господинъ, занимавшій тогда должность совѣтника, находясь въ одномъ домѣ, изъяснялъ подозрѣніе на меня, хотя никогда не видалъ меня въ глаза, какъ и я его, и когда ему сказали, что я не полякъ, онъ отвѣчалъ, что навѣрное знаетъ, что я полякъ и притомъ католическаго исповѣданія.

Осенью, на представленіе губернатора, приславо было дозволеніе отправиться мнѣ въ Петербургъ во временный отпускъ для окончанія моихъ дѣлъ. Съ первымъ зимнимъ путемъ я пустился въ дорогу вмѣстѣ съ однимъ чехомъ, занимавшимъ до того времени должность управляющаго въ одномъ имѣніи саратовской губерніи. Мы ѣхали на почтовыхъ черезъ Пензу, Арзамасъ, Муромъ и Владиміръ до Москвы, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Съ нами сѣзжались на почтовыхъ станціяхъ всякаго рода лица, заводили разговоры и знакомства. Это было время всеобщихъ надеждъ на обновленіе Россіи, котораго всѣ тогда чаяли при наступившемъ новомъ царствованіи; толковали о скоромъ заключеніи мира и объ обращеніи дѣятельности правительства и общества ко внутреннему благоустройству Россіи. Это было истинно поэтическое время: казалось, всякія эгонистическія стремленія улегались, люди переставали думать о собственныхъ выгодахъ, у всѣхъ на умѣ и на языкѣ было возрожденіе русскаго общества къ иной жизни, которой оно только желало, но еще не испытывало. У всѣхъ слышалась вѣра въ доброжелательство и умъ новаго Государя, и уже тогда наперевывъ говорили, какъ о первой необходимости, объ освобожденіи народа изъ крѣпостной зависимости. Въ одномъ мѣстѣ на дорогѣ, съ нами встрѣтился помѣщикъ Нижегородской губерніи, который сознавался, что если послѣдуетъ освобожденіе, то оно принесетъ дворянству сильный ударъ и подорветъ его матеріальныя выгоды; но «нечего дѣлать», говорилъ онъ, «надобно принести въ жертву все для пользы народа; вѣдь жертвовали же мы и достояніемъ, и самою жизнью въ минуты угрожавшей отечеству опасности, тѣмъ болѣе обязаны послужить ему въ такомъ важномъ дѣлѣ, которое обновитъ его на многія поколѣнія». Говорили даже о заведеніи школъ для народа и считали дѣло народнаго образованія столько же важнымъ, какъ и дѣло освобожденія. По приѣздѣ въ Петербургъ, я помѣстился въ *chambres garnies* на Малой Морской, въ домѣ Митусова и за 25 рублей въ мѣсяцъ получилъ удобно меблированную комнату съ перегородкой для спальни и съ прислугою. Дѣло моей матери было окончено скоро и я получилъ слѣдующія ей деньги.

Важнѣйшимъ моимъ занятіемъ я положилъ себѣ привести въ окончаніе свою исторію Хмельницкаго и дополнить новыми выписками изъ книгъ и рукописей Публичной библіотеки, давно уже собираемая мною данныя для «внутренняго быта древней Россіи». Съ декабря 1855 года я началъ ходить въ императорскую публичную библіотеку, занимался печатными источниками въ отдѣленіи *Rossica* и рукописями славянскими и польскими. Не проходило дня, въ ко-

торый бы я не сидѣлъ въ библіотекѣ, отправляясь туда къ десяти часамъ утра и возвращаясь вечеромъ обыкновенно въ девять часовъ, если не посвящалъ вечера на посѣщеніе театра. На обѣдъ тратилъ я не болѣе получаса, отправляясь изъ библіотеки въ одинъ изъ ближайшихъ ресторановъ. Такъ прошло до четырехъ мѣсяцевъ. Я почти ни у кого не бывалъ и погрузился всецѣло въ міръ минувшаго. Такимъ образомъ въ этотъ періодъ моей жизни, я успѣлъ перечитать множество томовъ и брошюръ по исторіи Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ, пересмотрѣлъ нѣсколько книгъ, польскихъ рукописей и перебралъ путешественниковъ, писавшихъ о Россіи, изъ которыхъ сдѣлалъ себѣ отмѣтки, относившіяся къ чертамъ нравовъ и быта, подмѣченнымъ путешественниками.

Въ мартѣ 1856 года я отнесъ экземпляръ исторіи Богдана Хмельницкаго къ цензору Фрейгангу, какъ вдругъ неожиданно для меня услышалъ отъ него, что при покойномъ Государѣ состоялось секретное запрещеніе допускать мои сочиненія къ напечатанію. Я отправился къ генералу Дуббельту съ просьбою объ исходатайствованіи снятія съ меня этого запрещенія. Дуббельтъ принялъ меня очень ласково, обнадежилъ исполненіемъ моего желанія и обѣщалъ поговорить съ цензоромъ, чтобы онъ былъ ко мнѣ снисходителенъ. Когда черезъ недѣлю послѣ того пріѣхалъ я къ Фрейгангу, онъ сообщилъ мнѣ, что Дуббельтъ призывалъ его и толковалъ съ нимъ обо мнѣ, но не просилъ, какъ обѣщалъ, быть ко мнѣ снисходительнымъ, а напротивъ, предостерегалъ быть особенно строгимъ и внимательнымъ; тѣмъ не менѣе, разрѣшеніе было мнѣ выдано и путь къ литературной дѣятельности открытъ.

Моего Богдана Хмельницкаго я предназначалъ для печатанія въ «Отечественныя Записки», которыя цензировалъ Фрейгангъ. Вѣрный наставленію Дуббельта, этотъ цензоръ былъ дѣйствительно ко мнѣ очень строгъ: вымаралъ множество мѣстъ, не представлявшихъ ничего подозрительнаго, если не прилагать особаго желанія толковать ихъ съ натяжкою въ дурномъ смыслѣ. Мой Богданъ Хмельницкій однако прошелъ и поступилъ въ распоряженіе Краевскаго, издателя «Отечественныхъ Записокъ». Въ то же время я помѣстилъ въ «Современникѣ» статью о Горѣ-Злочастіи, изложивъ содержаніе этого памятника великорусской поэзіи XVII вѣка, отысканнаго при моихъ глазахъ А. Н. Пыпинымъ въ одномъ изъ погодинскихъ сборниковъ. Обдѣлавъ свои дѣла и не дожидаясь напечатанія «Хмельницкаго», которое должно было идти на многіе мѣсяцы, съ весною я уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ принялся приводить въ порядокъ собранныя въ публичной библіо-